

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ[®] УЧЁНЫЙ

международный научный журнал

СПЕЦВЫПУСК

Актуальные вопросы
расследования преступлений
следователями и дознавателями
органов внутренних дел

Является приложением к научному журналу
«Молодой ученый» № 25 (129)

25.1
2016

16+

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

Международный научный журнал

Выходит еженедельно

№ 25.1 (129.1) / 2016

Спецвыпуск

Актуальные вопросы расследования преступлений следователями и дознавателями органов внутренних дел

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук

Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук

Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам

Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук

Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук

Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук

Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук

Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук

Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук

Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, кандидат педагогических наук

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук

Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук

Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук

Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук

Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук

Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук

Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук

Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук

Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук

Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии

Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук

Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук

Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук

Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Журнал входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru.

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)

Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)

Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)

Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)

Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)

Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)

Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)

Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)

Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)

Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)

Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)

Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)

Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)

Кадыров Кутлуг-Бек Бекмуратович, кандидат педагогических наук, заместитель директора (Узбекистан)

Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)

Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)

Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)

Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)

Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)

Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)

Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)

Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)

Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)

Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)

Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)

Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)

Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)

Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)

Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)

Руководитель редакционного отдела: Кайнова Галина Анатольевна

Ответственный редактор спецвыпуска: Шульга Олеся Анатольевна

Художник: Шишков Евгений Анатольевич

Верстка: Голубцов Максим Владимирович

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый».

Основной тираж номера: 500 экз., фактический тираж спецвыпуска: 21 экз.

Дата выхода в свет: 14.12.2016. Цена свободная.

Материалы публикуются в авторской редакции. Все права защищены.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

На обложке изображен выдающийся русский ученый-аграрник, писатель-фантаст-антиутопист, теоретик сельскохозяйственной экономики и создатель основ российской крестьянской кооперации *Александр Васильевич Чаянов* (1888–1937), профессор Московского сельскохозяйственного института, позже переименованного в Тимирязевскую сельскохозяйственную академию.

Убежденный социалист, Чаянов не состоял ни в одной политической партии, в то же время принял активное участие в Февральской, а позже и в Октябрьской социалистической революции. В 1919 году возглавил НИИ сельскохозяйственной экономики. С 1921 по 1923 годы входил в коллегию Наркомзема РСФСР. Александр Васильевич активно отстаивал интересы крестьянских кооперативов и выступал ярким противником капитализации сельского хозяйства. Несмотря на это, Чаянов был арестован по сфабрикованному делу и обвинен в антимарксистских взглядах и защите интересов кулачества.

Чаянов провел четыре года в тюрьмах и три — в ссылке в Казахстане. Почти все его труды были запрещены цензурой

и изъяты из архивов и библиотек. Увидела свет только часть литературных произведений, которые он издавал под псевдонимами Иван Кремнев и Ботаник X: «Венецианское зеркало, или Удивительные похождения стеклянного человека», «Необычайные, но истинные приключения графа Федора Михайловича Бутурлина, описанные по семейным преданиям», «Юлия, или Встречи под Новодевичьим», сборник стихов «Лёлина книжка» и другие. Все они вышли на средства автора.

В 1937 году А. В. Чаянов и несколько его соратников и друзей были вновь арестованы и расстреляны в Алма-Ате.

В 1987 году все обвиняемые по сфабрикованному делу вымышленной «кулацко-эсэровской группы Кондратьева — Чаянова» реабилитированы, дело было закрыто из-за отсутствия состава преступления; следователи, которые его вели, арестованы по обвинению в незаконных методах ведения следствия.

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

Есина А. С. Несколько аргументов против отказа в возбуждении уголовного дела как итогового вида процессуального решения 1	Макаренко М. М. Обеспечение дознавателем прав участников уголовного судопроизводства при производстве обыска в жилище18
Иванов Д. А. Наложение ареста на имущество, как мера процессуального принуждения, применяемая в целях обеспечения возмещения имущественного и морального вреда, причинённого преступлением 2	Макеева Н. В. Производство допроса свидетеля в судебном разбирательстве в условиях исключаяющих его визуальное наблюдение.....20
Артемова В. В. К вопросу о методике расследования преступлений 4	Попенков А. В. Некоторые проблемы организации и проведения судебных экспертиз живых лиц.....21
Фадеев П. В. Проблемы разъяснения прав при осуществлении государственной защиты участников уголовного судопроизводства 6	Пушкарев В. В. Механизм реализации принципа языка уголовного судопроизводства: определение неведения или недостаточного владения языком, на котором ведется производство по уголовному делу23
Алимамедов Э. Н. Применение норм института возвращения уголовного дела для производства дополнительного расследования в целях устранения ошибок, допущенных следователем при предъявлении обвинения 7	Самолаева Е. Ю. К вопросу о задержании лица по подозрению в совершении преступления на стадии возбуждения уголовного дела24
Анисимова Н. В. Особенности производства допроса с участием несовершеннолетних лиц 9	Соколова М. В. Наложение ареста на имущество в целях обеспечения компенсации морального вреда, причиненного преступлением26
Блинова Е. В. Нарушение прав и законных интересов граждан при производстве отдельных следственных действий10	Титовец И. В. Исключение недопустимых доказательств прокурором.....28
Бородкина Т. Н. Актуальные проблемы при расследовании органом дознания причинения вреда здоровью 12	Угольников А. В. Деятельность следователя по привлечению лица в качестве обвиняемого29
Галкина У. В. Проблемы возбуждения уголовного дела о незаконном использовании средств индивидуализации товаров (работ, услуг)14	Уханова Н. В. К вопросу о возмещении вреда, причиненного преступлением, в ходе предварительного расследования.....31
Гончар В. В. Некоторые аспекты определения розыскных действий в современном законодательстве15	Федулова И. И. Особенности производства дознания с участием несовершеннолетних лиц32
Ермаков С. В. Производство процессуальных действий на стадии возбуждения уголовного дела17	Хмелев С. А. Актуальные вопросы соблюдения процессуальных прав иностранных граждан, подозреваемых в совершении преступления.....34

Несколько аргументов против отказа в возбуждении уголовного дела как итогового вида процессуального решения

Есина Алла Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры предварительного расследования
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя

Статья посвящена проблемным вопросам реформирования стадии возбуждения уголовного дела. Рассматриваются разные позиции ученых, которые предлагают различные пути совершенствования и модернизации стадии возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: стадия возбуждения уголовного дела, доследственная проверка, следователь (дознатель), проверочные действия.

В поисках оптимальной модели стадии возбуждения уголовного дела разные авторы предлагают различные пути её совершенствования. Отдельные ученые предлагают исключить стадию возбуждения уголовного дела из досудебного уголовного процесса [1, с. 218]. Сторонники другой позиции, наоборот, предлагают усовершенствовать первоначальный этап российского уголовного судопроизводства, расширив процессуальные средства и процессуальный статус лиц, задействованных в ходе проверки сообщений о преступлении. [2, с. 10].

Едины авторы в одном — стадия возбуждения уголовного дела нуждается в реформировании. Этому есть целый ряд причин: несовершенство уголовно-процессуальных норм, регулирующих деятельность должностных лиц на этапе проверки сообщений о преступлении, неэффективность правовых средств проверки заявлений и сообщений о преступлениях, дублирование этих средств аналогичными по содержанию средствами собирания доказательств на стадии предварительного расследования, отставание национального законодательства от передового международного опыта правового регулирования отношений, возникающих на досудебных стадиях уголовного процесса. Автор статьи придерживается позиции о сохранении стадии возбуждения уголовного дела, но отмечает необходимость совершенствования механизма правового регулирования доследственной проверки [3, с. 213].

Заметим, что данная позиция поддерживается как законодательной, так и судебной властью. Так, с 1 сентября 2016 года вступила в действие дополненная и измененная редакция ст. 144 УПК РФ «Порядок рассмотрения сообщения о преступлении», в которой значительно расширены полномочия должностных лиц по производству проверочных действий на стадии возбуждения уголовного дела.

Надо заметить, что любая реформа имеет, как правило, свои положительные и отрицательные аспекты. Необходимо оптимизировать правовое регулирование деятельности должностных лиц на стадии возбуждения уголовного дела.

Положения ст. 145 УПК РФ предписывают следователям, дознавателям по результатам проверки сообщений

о преступлении принять одно из следующих решений: возбудить уголовное дело, отказать в возбуждении уголовного дела, направить сообщение по подследственности или подсудности.

С точки зрения автора некорректно сформулировано полномочие должностного лица — отказать в возбуждении уголовного дела гражданину, который сообщил о совершенном преступлении. Представляется более правильным установить иной вид решения. Аргументируем свою позицию. Бесспорно, если в ходе доследственной проверки будет установлено, что в поступившем сообщении содержатся данные указывающие на признаки преступления, то решение должно быть только одно — возбуждение уголовного дела. Однако, если в ходе проверки поступившего сообщения не подтвердилась информация о совершении преступного деяния, то решение по такому сообщению должно быть выведено из сферы уголовно-процессуальной юрисдикции. Итогом результатом проверки подобного сообщения, (в котором ошибочно было указано на признаки преступления, что было установлено в ходе доследственной проверки) должно быть решение не об отказе в возбуждении уголовного дела, а иное, не уголовно-процессуальное решение. Термин «отказ» в официальных документах, направленных гражданам в ответ на их обращения, психологически вызывает негативную реакцию. По словарю русского языка С.И. Ожегова термин «отказ» означает — отрицательный ответ на просьбу [4, с. 404]. Однако, рассматривать отказ в возбуждении уголовного дела как отрицательный ответ на сообщение граждан о преступлении не только некорректно, но и противозаконно. Правоприменительная практика складывается таким образом, что граждане получившие отказ в возбуждении уголовного дела воспринимают подобное решение именно как отрицательный ответ на своё обращение, порой не вникая в обоснование и мотивы отказа, изложенные в постановлении. Получив подобное решение, формируется негативное отношение к деятельности правоохранительных органов, что влечет обжалование подобных решение прокурору или в суд.

Предлагаю вывести из уголовно-процессуальной юрисдикции решение об отказе в возбуждении уголовного дела, и исключить из текста ст. 145 УПК РФ данный вид итогового процессуального решения. Деятельность по принятию итогового решения по сообщению о событии (происшествии), в котором нет признаков преступления, следует перенести в иную, не процессуальную плоскость. Должностное лицо, осуществляющее проверку поступившего сообщения, не установив признаков преступления в исходной информации, должен вернуть данное сообщение в дежурную часть правоохранительного органа для организации дальнейшей проверки должностными лицами иных служб, но не сотрудниками органов предварительного расследования.

Можно предложить иной путь для разрешения обозначенной проблемы. Например, следователь (дознатель) будет выносить постановление не об отказе в возбуждении уголовного дела, а постановление о результатах рассмотрения сообщения граждан (или иной информации

которая поступила), указав в резолютивной части, что признаки преступления в изложенном событии не установлены. В этом случае можно будет избежать употребления термина «отказ» в решении должностного лица, и при этом процессуальный документ будет отражать объективность происшедшего, а именно: факт проверки поступившего сообщения, факт установления отсутствия признаков преступления. Если в событии, по поводу которого поступило сообщение и проводилась проверка, будут установлены нарушения иных норм действующего законодательства (гражданского, трудового, административного, земельного и т.д.), то в постановлении должно быть отражено в какой правоохранительный орган (или какую службу) в соответствии с их компетенцией направлено сообщение для принятия итогового решения.

Таким образом, не отрицая необходимости сохранения стадии возбуждения уголовного дела, считаем целесообразным внести изменения в ст. 145 УПК РФ в части принятия итоговых процессуальных решений.

Литература:

1. Кожокар, В. В. Возбуждение уголовного дела: вопросы теории и практики: дисс. ... канд.юрид. наук:12.00.09. — М., 2016.
2. Есина, А. С., Жамкова О. Е. Некоторые предложения по реформированию стадии возбуждения уголовного дела (отечественный и зарубежный опыт) // Международное уголовное право и международная юстиция. 2016. № 5. С. 10–12.
3. Есина, А. С., Жамкова О. Е. Нуждается ли в сохранении стадия возбуждения уголовного дела? // Библиотека криминалиста. № 5(28). 2016. С. 210–216.
4. Ожегов, С. И.. Словарь русского языка. / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., Русский Язык. 1986 г.
5. Макаренко, М. М., Ермаков С. В. Возбуждение уголовного дела: проблемные вопросы // Российский следователь. 2015. № 6. С. 27–31.

Наложение ареста на имущество, как мера процессуального принуждения, применяемая в целях обеспечения возмещения имущественного и морального вреда, причинённого преступлением

Иванов Дмитрий Александрович, кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры предварительного расследования
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя

Статья посвящена дискуссионным вопросам применения наложения ареста на имущество, как меры уголовно-процессуального принуждения, применяемой на стадии предварительного расследования, в целях обеспечения возмещения имущественного и морального вреда, причиненного преступлением.

Ключевые слова: *наложение ареста на имущество, имущественный вред, моральный вред, следователь, дознаватель, подозреваемый (обвиняемый), возмещение вреда, причиненного преступлением.*

Одним из нерешенных вопросов в теории и практике уголовного судопроизводства в настоящее время, является полемика вокруг возможности и необходимости наложения ареста на имущество, с целью обеспечения

возмещения не только имущественного, но и морального вреда, причиненного преступлением.

Историческая ретроспектива показывает, что в советском уголовном процессе, в период зарождения ин-

ститута наложения ареста на имущество преобладало мнение о том, что его применение возможно лишь для возмещения имущественного вреда. Об этом свидетельствуют и некоторые позиции ученых-процессуалистов той эпохи. В частности, как отмечал в свое время Л. А. Мариупольский — «наложение ареста на имущество для обеспечения гражданского иска возможно лишь тогда, когда лицо. Производящее дознание, или следователь располагают достаточными данными о причинении преступлением материального ущерба потерпевшему» [6, с. 278].

В наши дни, некоторые авторы (С. М. Юткина, О. В. Ростовщикова) склонны также наложением ареста на имущество, как правило, обеспечивать гражданский иск, заявленный в связи с причинением имущественного вреда. В то же время они полагают, что «такой ущерб нередко причиняется преступлениями в сочетании с моральным и физическим вредом» [7, с. 146]. Здесь все же хочется порекомендовать занять единую позицию, и отстаивать либо возможность в целом, либо невозможность в принципе, применения наложения ареста на имущество с целью компенсации морального и физического вреда, причиненного преступлением.

Представляется целесообразным поддержать позиции авторов, поддерживающих идею о возможности наложения ареста на имущество в целях обеспечения возмещения не только имущественного вреда, но и морального вреда, причиненного уголовно-наказуемым деянием. Так, С. А. Беляцкий справедливо утверждает, что «в способах возмещения убытков, взыскания неустойки, компенсации морального вреда штрафные и праввосстановительные функции занимают равное положение» [2, с. 61–62]. Более применительно к уголовно-процессуальным отношениям по данному вопросу высказываются Н. В. Кривошеков и В. К. Булдакова, которые констатируют, что «в уголовном процессе использование мер по обеспечению гражданского иска в отношении требований потерпевшего о компенсации морального вреда вполне допустимо» [5, с. 93].

Другие авторы (Е. Н. Гриценко), рассматривали вред в широком понимании и включали в него имущественный и неимущественный (в том числе моральный вред), и высказывались о наличии равных оснований для его возмещения [3, с. 133].

Следовательно, анализируя мнения вышеуказанных авторов, и применяя изложенные аргументы относительно возможности компенсации морального вреда сквозь призму наложения ареста на имущество, при-

ходим к однозначному выводу о возможности применения данной меры уголовно-процессуального принуждения с целью компенсации морального вреда, причиненного преступлением.

Дословно понимая положения действующего уголовно-процессуального закона, следует сказать, что ч. 1 ст. 44 УПК РФ допускает включение в исковые требования компенсацию морального вреда, так как наложение ареста на имущество может быть осуществлено и в целях обеспечения исполнения приговора в этой части. Поскольку размер компенсации морального вреда чаще всего устанавливается истцом произвольно (допустим оценочный критерий), то при применении данной меры принуждения следует ориентироваться на размер взысканий, исходя из судебной практики по делам аналогичной категории.

Относительно наиболее оптимального момента для принятия решения о наложении ареста на имущество в ходе досудебного производства, необходимо отметить, что в целях обеспечения гражданского иска арест на имущество следует наложить в как можно более короткие сроки — непосредственно с после возбуждения уголовного дела при наличии на то законных оснований.

Отдельно отметим, что установление принадлежности имущества, на которое может быть наложен арест, осуществляется комплексом процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий, а также путем официального взаимодействия следователя, дознавателя с различными учреждениями и организациями, органов государственной власти, обладающими сведениями и информацией, представляющей оперативно-следственный интерес.

В заключение всего вышесказанного важно уяснить, что для решения задачи по обеспечению возмещения имущественного вреда и компенсации морального вреда, причиненных преступлением, следователю, дознавателю при производстве предварительного расследования следует объективно и максимально достоверно установить принадлежность имущества подозреваемому (обвиняемому), а также иным лицам, которые несут материальную ответственность за действия указанных субъектов.

Развивая позицию о том, что наложение ареста на имущество может быть наложено в целях возмещения имущественного вреда, автором обоснован вывод о возможности применения данной меры уголовно-процессуального принуждения также для создания условий, необходимых для обеспечения компенсации морального вреда, причиненного преступлением.

Литература:

1. Алимamedов, Э. Н. Проблемы избрания и применения мер процессуального принуждения органами предварительного расследования // Новая наука: Стратегии и векторы развития. 2016. № 11. С. 271–273.
2. Беляцкий, С. А. Возмещение морального (неимущественного) вреда. Москва. 1996.
3. Гриценко, Е. Н. Моральный вред как последствие преступлений против жизни и здоровья: Дисс... канд. юрид. наук. Москва. 2005.

4. Иванов, Д. А., Крупенин Г. Р. Возмещение вреда деловой репутации юридическим лицам, потерпевшим от преступлений // Российский следователь. 2008. № 24. С. 5–7.
5. Кривошеков, Н. В., Булдакова В. К. Наложение ареста на имущество как основная мера обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлением // Юридическая наука и правоприменительная практика. 2014. № 1 (27). С. 88–97.
6. Мариупольский, Л. А. Производство дознания и предварительного следствия (следственные действия) // Уголовный процесс под редакцией канд. юрид. наук. Б. А. Викторова. Москва. «Юридическая литература». 1970.
7. Юткина, С. М., Ростовщикова О. В. О наложении ареста на имущество как мере уголовно-процессуального принуждения: история, теория, практика // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2012. № 4 (23). С. 144–156.

К вопросу о методике расследования преступлений

Артемова Валерия Валерьевна, кандидат юридических наук,
заместитель начальника кафедры предварительного расследования
Московский Университет МВД России имени В. Я. Кикотя

В статье анализируются понятие и исходные положения методики расследования преступлений, ее значение в практической деятельности. Рассматриваются отдельные аспекты структуры методики расследования преступлений.

Ключевые слова: методика расследования преступлений, криминалистическая методика, криминалистическая характеристика преступлений обвиняемый, постановление о привлечении в качестве обвиняемого, возвращение уголовного дела, дополнительное расследование, следователь.

Актуальным вопросом методики расследования отдельных видов преступлений является вопрос относительно видов и структуры методики расследования преступлений. Следует отметить, что единого подхода у ученых по рассматриваемому вопросу нет. Так, в диссертационных исследованиях, монографиях, учебных пособиях, научных статьях авторы по своему усмотрению выбирают структуру методики расследования исследуемого ими вида преступления, что, по нашему мнению, негативно влияет на эффективность криминалистических методик. Так, отдельные криминалистические методики содержат рекомендации по вопросам уголовного права, уголовного процесса. Следует согласиться с точкой зрения А. Н. Васильева, согласно которой такой путь не является правильным и приводит к тому, что методика расследования в таком понимании является не частью науки криминалистики, где были бы отражены собственно криминалистические средства, методы и приемы, а практическим пособием для следственных работников [2, с. 7].

По мнению А. В. Тищенко, единой устоявшейся структуры методики расследования преступлений не может быть. Автор это объясняет тем, что с информационной точки зрения методика является определенной совокупностью знаний, а с позиции использования представляет собой определенный алгоритм действий, кроме того, на структуру методики влияет ее функциональная направленность [6, с. 270].

Считаем, что в криминалистической методике должны разрабатываться рекомендации не в хаотичном

порядке, а системно, для оказания помощи непосредственно практическим работникам. Так, А. М. Васильев отметил, что приемы, средства и методы из раздела криминалистической методики должны разрабатываться не для заполнения «вакуума» в схеме практической деятельности по расследованию, а для действительной необходимости оказания помощи этой деятельности четко определенными конкретными средствами, приемами и методами.

На наш взгляд, проблема структуры методики расследования преступлений имеет комплексный характер. Во-первых, это связано с определением самого понятия методики. Так, В. Е. Корноухов определяет методику по расследованию преступлений как обусловленную противоречивым соотношением исходных ситуаций расследования с предметом доказывания систему тактических задач и операций, отвечающую критериям эффективности и экономичности [5, с. 24]. Р. С. Белкин криминалистическую методику определяет как систему научных положений и рекомендаций по организации расследования и предупреждению преступлений отдельных видов [1, с. 89].

Следует отметить, что, несмотря на определенные различия в определении понятия криминалистической методики большинство криминалистов считают, что с информационной точки зрения криминалистическая методика является определенной совокупностью знаний, а с позиций использования представляет собой определенный алгоритм действий. Структура криминалистической ме-

тодики связана с классификацией преступлений, на основании которой разрабатываются методики расследования отдельных видов преступлений.

Криминалистическая классификация должна исходить из криминалистических критериев, имеющих значение для раскрытия и расследования преступлений. Одни авторы полагают, что они могут быть полные и неполные. Другие исследователи отмечают, что методики расследования отдельных видов преступлений могут быть комплексными, а также методики расследования вида, группы преступлений. Так, Ю. П. Гармаев среди методик расследования отдельных видов преступлений выделяет типичные, отдельные, специальные [4, с. 4].

Несмотря на разновидности видов или групп преступлений методика их расследования должна способствовать эффективности расследования преступлений. Задача методики расследования отдельных видов преступлений заключается в определении основных направлений расследования преступлений. На основании этих методик можно уже будет разрабатывать алгоритмы расследования более мелких групп преступлений.

Следующий вопрос, который связан с методикой расследования — это криминалистическая характеристика преступлений. В криминалистической литературе нет единого мнения относительно определения состава ее элементов, видов криминалистических характеристик преступлений. А. Волобуевым было высказано мнение даже об отрицании существования такого понятия [3, с. 57]. Несомненно, криминалистическая характеристика яв-

ляется обязательным структурным элементом методики расследования отдельных видов преступлений, на основании которой разрабатывается алгоритм расследования соответствующего вида (группы) преступлений. Рассматривая вопрос о криминалистической характеристике преступлений, следует указать на соотношение с методом доказывания, поскольку отдельные криминалисты включают предмет доказывания в структурные элементы методики расследования отдельных видов преступлений. Включение обстоятельств, подлежащих доказыванию к элементам криминалистической методики, будет дублировать положения уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Следующий фактор, влияющий на содержание криминалистических методик — это типичные следственные ситуации. Расследование, как отмечалось в криминалистической литературе, носит ситуационный характер. То есть, каждый этап расследования имеет свои особенности в зависимости от следственных ситуаций, а значит отдельные методики расследования преступлений, которые должны включать особенности ситуаций, складывающихся на определенном этапе их расследования. Учитывая изложенное, считаем, что к обязательным структурным элементам методики расследования отдельных видов преступлений должны входить типичные следственные ситуации расследования.

Полагаем, что к структурным элементам методики расследования отдельных видов преступлений следует отнести и профилактическую деятельность следователя.

Литература:

1. Белкин, Р. С. Криминалистическая энциклопедия. М., 1997.
2. Васильев, А. Н. Проблемы методики расследования отдельных видов преступлений. М.: ЛэксЭст, 2002.
3. Волобуев, А. Комплексные методики расследования экономических преступлений // Российская юстиция. 2013. № 3.
4. Гармаев, Ю. П. Разработка комплексных методик расследования как перспективная тенденция развития криминалистических методических рекомендаций // Правоведение. 2011. № 4.
5. Корноухов, В. Е. О структуре методик по расследованию преступлений // Вестник криминалистики. 2004. Вып. 2.
6. Тищенко, В. В. Корыстно-насильственные преступления. Криминалистический анализ: Монография. Одесса: Юрид. лит., 2011.

Проблемы разъяснения прав при осуществлении государственной защиты участников уголовного судопроизводства

Фадеев Павел Владимирович, кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры предварительного расследования
Московский Университет МВД России имени В. Я. Кикотя

В статье на основе анализа уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики исследуются проблемы реализации права участников уголовного судопроизводства на применение мер процессуальной и иной безопасности, мер социальной поддержки.

Ключевые слова: государственная защита, меры безопасности, меры социальной поддержки, принципы, правовой статус, обеспечение прав, органы уголовного судопроизводства.

Разъяснение прав, обязанностей и ответственности участников уголовного судопроизводства входит в состав уголовно-процессуальных принципов, является неотъемлемой частью отдельных уголовно-процессуальных институтов, правового статуса его участников, важным направлением (видом) деятельности государственных органов уголовного судопроизводства. В соответствии с ч. 1 ст. 11 УПК РФ суду, прокурору, следователю, дознавателю вменено в обязанность разъяснять подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, а также другим участникам уголовного судопроизводства их права, обязанности и ответственность.

Вместе с тем анализ правоприменительной практики показывает, что обеспечение данного вида деятельности при осуществлении государственной защиты потерпевших, свидетелей, иных участников уголовного судопроизводства нуждается в совершенствовании. Во-первых, это связано с крайне низкой информированностью участников уголовного судопроизводства об их праве, содержании и порядке применения мер государственной защиты. Проведенные исследования по этому вопросу показали, что только треть опрошенных следователей информируют потерпевших об их праве на ходатайство о применении мер безопасности в соответствии с ч. 3 ст. 11 УПК РФ [1, с. 241], из них всего 8,3% разъясняют содержание этого права [7, с. 140]. В тоже время в России из числа 2 млн потерпевших и свидетелей, ежегодно подвергающихся угрозам с целью изменения либо отказа от даваемых показаний [3], только около 3 тыс. человек получают реальную защиту [4].

Во-вторых, с закреплением прав и обязанностей участников уголовного процесса, а также оснований и порядка их реализации не только в отдельных статьях УПК РФ, но и в других нормативных правовых актах, несмотря на установленный ч. 1 ст. 1 УПК РФ обязательного порядка уголовного судопроизводства. Так, в соответствии с Федеральным законом от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» определяются содержание, основания, сроки проверки и приме-

нения процессуальных и иных мер безопасности, мер социальной поддержки [6].

В-третьих, с несоответствием содержания права участника уголовного судопроизводства на государственную защиту принципу международного права на своевременное и полное его информирование [2, с. 106; 5]. Как показывает анализ уголовно-процессуального законодательства, обязанность государственных органов уголовного процесса ограничена разъяснением только мер процессуальной безопасности, в основном связанных с анонимностью участника уголовного судопроизводства.

На наш взгляд, такой подход существенно затрудняет обеспечение прав участников уголовного судопроизводства в сфере государственной защиты.

С учетом вышеизложенного и в целях единообразного применения уголовно-процессуального законодательства представляется необходимым:

п. 21 ч. 2 ст. 42 УПК РФ изложить следующим образом: «знать основания и порядок осуществления мер безопасности и социальной поддержки, ходатайствовать о применении мер безопасности в соответствии с частью третьей статьи 11 настоящего Кодекса».

п. 7 ч. 4 ст. 56 УПК РФ изложить следующим образом: «знать основания и порядок осуществления мер безопасности и социальной поддержки, ходатайствовать о применении мер безопасности, предусмотренных частью третьей статьи 11 настоящего Кодекса»;

ч. 1 ст. 317.9 УПК РФ изложить следующим образом: «При необходимости обеспечить безопасность подозреваемого или обвиняемого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, его близких родственников, родственников и близких лиц, разъясняются основания и порядок осуществления мер безопасности и социальной поддержки, применяются меры безопасности, предусмотренные статьей 11 и пунктом 4 части второй статьи 241 настоящего Кодекса»;

ч. 2 ст. 18 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» изложить следующим образом:

«Суд (судья), начальник органа дознания, руководитель следственного органа или следователь, получив заявление (сообщение) об угрозе убийства лица, указанного в частях 1–3 статьи 2 настоящего Федерального закона, насилия над ним, уничтожения или повреждения его имущества либо иного опасного противоправного деяния,

обязаны разъяснить основания и порядок осуществления мер безопасности и социальной поддержки, проверить это заявление (сообщение) и в течение трех суток (а в случаях, не терпящих отлагательства, немедленно) принять решение о применении мер безопасности в отношении его либо об отказе в их применении».

Литература:

1. Комиссаров, В. И., Славгородская О. А. Гарантии прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве // Охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве: мат-лы междунар. науч. — практ. конф. — М., 2011. С. 238–247.
2. Макеева, Н. В., Макеев А. В. Влияние решений европейского суда по правам человека на развитие института обеспечения личной безопасности участников уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 1. С. 105–108.
3. Постановление Правительства РФ от 02.10.2009 г. № 792 (ред. от 24.05.2012 г.) «Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2009–2013 годы» // СЗ РФ. 2009. № 41. Ст. 4778.
4. Постановление Правительства РФ от 13.07.2013 N586 (ред. от 13.08.2015) «Об утверждении Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014–2018 годы» // СЗ РФ. 2013. № 29. Ст. 3965.
5. Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. С. 114–116 / СПС «КонсультантПлюс».
6. СЗ РФ. 2004. № 34. Ст. 3534 / СПС «КонсультантПлюс».
7. Синенко, С. А. Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве: монография. — Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД РФ, 2013.

Применение норм института возвращения уголовного дела для производства дополнительного расследования в целях устранения ошибок, допущенных следователем при предъявлении обвинения

Алимамедов Эльмир Низамиевич, преподаватель
Московский Университет МВД России имени В. Я. Кикотя

В статье исследуются актуальные и практически значимые проблемы института возвращения уголовного дела для производства дополнительного расследования.

Ключевые слова: обвиняемый, постановление о привлечении в качестве обвиняемого, возвращение уголовного дела, дополнительное расследование, следователь.

Одним из значимых институтов уголовного судопроизводства является институт возвращения уголовного дела для производства дополнительного расследования. Об этом несомненно свидетельствуют актуальные данные судебно-следственной практики и результаты нормотворчества в данном направлении.

Например, рассматриваемые правоотношения подвергались правовому регулированию со стороны Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 269-ФЗ «О внесении изменений в статьи 236 и 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»; Федерального законом от 2 декабря 2008 г. № 226-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный

кодекс Российской Федерации»; Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

Во-вторых, многие спорные вопросы института возвращения дел прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ были урегулированы Постановлением Конституционного Суда РФ № 18-П от 8 декабря 2003 г. «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 УПК РФ в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан»; Постановлением Кон-

ституционного Суда Российской Федерации № 16-П от 2 июля 2013 г. «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда»; Постановлением Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 5 марта 2004 г. «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса РФ».

В-третьих, согласно аналитическим данным ГСУ ГУ МВД России по г. Москве, по итогам работы за 12 месяцев 2015 года следственными подразделениями ГУ МВД России по г. Москве в суд с обвинительными заключениями направлено 13386 уголовных дел, из которых 911 возвращено для производства дополнительного расследования (прокурорами и судами в порядке ст. 237 УПК РФ), то есть почти 7% [6]. Одной из основных причин возвращения уголовных дел для дополнительного следствия явилось существенное нарушение уголовно-процессуального закона при предъявлении обвинения.

Согласно ст. 171 УПК РФ следователь при наличии достаточных доказательств, дающих основание для обвинения лица в совершении преступления, выносит постановление о привлечении его в качестве обвиняемого. Одним из основных элементов привлечения лица в качестве обвиняемого является принцип достаточности доказательств. Понятие достаточности в УПК РФ не содержится, однако мы согласны с мнением Гриненко А. В. о том, что понятие достаточность доказательств применительно к предъявлению обвинения можно вывести из ряда процессуальных норм [2, с. 24].

В ст. 73 УПК РФ содержатся обстоятельства, подлежащие доказыванию, которые характеризуют объем и качество достаточности доказательств, необходимых для предъявления обвинения. Рассмотрим типичные ошибки следователя, послужившие причиной возвращения уголовных дел для производства предварительного следствия для устранения недостатков и предъявления обвинения в новой редакции.

Так, в соответствии с п. 1 ст. 73 УПК РФ, необходимо установить событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления), неустановление данных обстоятельств противоречат основам уголовного судопроизводства. Так, следователь в постановлении о привлечении М. в качестве обвиняе-

мого, в совершении преступлений, предусмотренных частью 2 статьи 159 УК РФ, не указал место и время совершения преступления [6]. Подобные факты являются существенным нарушением уголовно-процессуального закона и служат основанием для возвращения уголовного дела для производства дополнительного следствия.

Согласно п. 2 ст. 73 УПК РФ подлежит доказыванию виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотив. Отсутствие в деянии состава преступления, не влечет за собой привлечение к уголовной ответственности, не свидетельствует о доказанности обвинения [1, с. 81]. На практике это проявляется в двух формах: обвинение предъявлено, однако виновность лица в совершенном деянии недостаточно доказана; предъявленное обвинение не в полной мере соответствует собранным доказательствам, подтверждающим виновность лица, т.е. квалифицированы не все признаки состава преступления.

Так, например, следователю было возвращено уголовное дело, в связи с тем, что предъявленное обвинение не соответствует фактическим материалам уголовного дела: преступление совершено в группе лиц, однако обвинение предъявлено без учета данных обстоятельств и без вменения соответствующего квалифицирующего признака [6].

Согласно п. 4 ст. 73 УПК РФ подлежит доказыванию характер и размер вреда, причиненного преступлением. Так, следователю было возвращено для дополнительного расследования уголовное дело по обвинению Ч. в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ, в связи с неустановлением размера причиненного ущерба. Для устранения допущенных нарушений прокурор потребовал назначить товароведческую судебную экспертизу [6].

Представляется, что выявленные и проанализированные ошибки следователя, повлиявшие на принятие им необоснованного процессуального решения о привлечении лица в качестве обвиняемого, обоснованно послужили основанием для возвращения уголовного дела для производства предварительного следствия, вследствие чего была существенно снижена эффективность всего уголовного судопроизводства. Существующие проблемы института возвращения уголовных дел на дополнительное расследование требуют своего законодательного разрешения.

Литература:

1. Алимamedов, Э. Н., Пушкарев В. В. Сущность, основание и задачи этапа окончания предварительного следствия с обвинительным заключением // Научно-практический журнал «Апробация», № 11 (14), 2013 г. С. 80–82.
2. Гриненко, А. В. Обеспечение процессуальных прав лица при его привлечении в качестве обвиняемого // Адвокатская практика. — 2001. — № 3. — С. 23–26.
3. Иванов, Д. А. Защита следователем прав и законных интересов юридических лиц, потерпевших от преступлений: диссертация... кандидата юридических наук: 12.00.09 — Москва, 2007.
4. Пушкарев, В. В., Скачко А. В., Хмелев С. А. Расследование вымогательства: Монография // Москва: КТ «Буки-Веди», 2014.

5. Попенков, А. В. Актуальные проблемы ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 9. С. 193–194.
6. Данные получены автором в ходе изучения и анализа материалов уголовных дел, возвращенных на дополнительное расследование следственным подразделением в г. Москве с 2014 по 2016 год.

Особенности производства допроса с участием несовершеннолетних лиц

Анисимова Наталия Вениаминовна, кандидат юридических наук, старший преподаватель
Московский Университет МВД России имени В. Я. Кикотя

В статье акцентируется внимание на особом порядке допроса несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого. Вносятся предложения по совершенствованию действующего процессуального законодательства и оказанию психологической помощи, направленные на повышение эффективности защиты прав и интересов несовершеннолетнего.

Ключевые слова: допрос несовершеннолетнего, законный представитель несовершеннолетнего, особенности допроса несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого.

Несовершеннолетний возраст не позволяет лицу самостоятельно или в полной мере осуществлять свои права и выполнять обязанности при производстве следственных действий, в том числе и при производстве допроса. В связи с этим одной из основных гарантий соблюдения прав и законных интересов лиц данной категории при их допросе является институт представительства [3, с. 7].

При производстве следственных действий с несовершеннолетними вправе присутствовать законный представитель несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля. В качестве законного представителя допускается один из родителей, усыновителей, опекунов, попечителей либо уполномоченный представитель учреждения или организации, на попечении которого находится несовершеннолетний, а также органы опеки и попечительства. На наш взгляд, перечень лиц, которые могут представлять интересы несовершеннолетнего в уголовном судопроизводстве, безосновательно сужен. В случаях, когда родители отсутствуют, ведут антиобщественный образ жизни, не желают участвовать в уголовном судопроизводстве, находятся в неприязненных отношениях с несовершеннолетним, возможность представлять интересы подследственных в уголовном судопроизводстве должна быть предоставлена иным родственникам по их просьбе. Органы опеки и попечительства формально подходят к представительству, в отличие от родственников, которым не безразлична судьба несовершеннолетнего.

В связи с этим предлагаем дополнить перечень лиц, которые могут быть признаны законными представителями несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и включить в него других родствен-

ников несовершеннолетнего (например, таковыми могут быть признаны совершеннолетние братья и сестры, тети, дяди и другие) [1, с. 27].

Следует отметить, что в п. 12 ст. 5 УПК РФ определен законный представитель подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего, хотя в статьях 191 и 280 УПК РФ указаны и законные представители несовершеннолетнего свидетеля. В связи с этим предлагаем устранить данное несоответствие, предусмотрев законного представителя несовершеннолетнего свидетеля.

В зависимости от процессуального статуса несовершеннолетнего участника и стадии судопроизводства меняется и круг участвующих при их допросе лиц. Так, при допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, подсудимого предусмотрено участие законного представителя. При допросе несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего на стадии предварительного расследования его законный представитель вправе присутствовать (ч. 1 ст. 191 УПК РФ). В суде обязательное участие законного представителя предусмотрено при допросе несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, не достигшего возраста 14 лет (ч. 1 ст. 280 УПК РФ), а по усмотрению суда законный представитель вправе участвовать в допросе несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, имеющих физические или психические недостатки (ч. 4 ст. 280 УПК РФ).

Особенности допроса несовершеннолетних потерпевших и свидетелей обусловлены своеобразием их возрастной психики и характером восприятия ими происходящих событий, особенностями формирования показаний в целом. Участие законных представителей имеет существенное значение для обеспечения защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, и в первую оче-

редь — на стадии предварительного расследования, поэтому предлагаем изменить ч. 1 ст. 191 УПК РФ и указать, что при допросе несовершеннолетних потерпевших и свидетелей в возрасте до 14 лет, а также имеющих физические или психические недостатки, участие законного представителя обязательно.

Допрос несовершеннолетних потерпевшего или свидетеля в возрасте до 14 лет, а по усмотрению следователя — и в возрасте до 18 лет, производится с участие педагога (ч. 1 ст. 191 УПК РФ). Допрос в суде несовершеннолетних потерпевших и свидетелей в возрасте до 14 лет, а также имеющих физические и психические недостатки, проводится во всех случаях с участие педагога (ч. 1 ст. 280 УПК РФ). В допросе лиц от 14 до 18 лет педагог участвует по усмотрению суда.

Участие педагога в допросе несовершеннолетнего лица имеет своей целью оказание помощи следователю в получении правдивых показаний от допрашиваемого, правильную постановку вопросов и помощь в проведении допроса в целом. Однако не менее важно установление психологического контакта с допрашиваемым, учет его эмоционального состояния, правильная оценка данных показаний с учетом возраста, психологического состо-

яния, влияния травмирующей ситуации на психику ребенка или подростка, для чего необходима помощь психолога. Его участие в допросе несовершеннолетних потерпевших и свидетелей ни на стадии предварительного расследования, ни в суде, не предусмотрено.

По мнению Н. А. Курмаевой «несовершеннолетний потерпевший или свидетель, также, как и подозреваемый или обвиняемый, нуждается в помощи специалиста-психолога, поскольку допрос может травмировать психику ребенка» [3, с. 37].

Таким образом, анализ действующего уголовно-процессуального законодательства показывает, что в настоящее время наблюдаются положительные тенденции в сфере усиления гарантий защиты прав и законных интересов несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства при выполнении отдельных следственных и процессуальных действий. Вносимые предложения по совершенствованию действующего процессуального законодательства и оказанию действенной психологической помощи направлены на повышение эффективности защиты прав и интересов несовершеннолетних, вовлекаемых в сферу уголовно-процессуальных правоотношений.

Литература:

1. Анисимова, Н. В. Проблемные моменты участия несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве // Миграционное право № 3. 2014. С. 27–29.
2. Блинова, Е. В. Субъекты обеспечения неразглашения данных предварительного расследования // Российский следователь. 2012. № 3. С. 7–10.
3. Дошицын, А. Н. Процессуальные особенности несовершеннолетних потерпевших и свидетелей в уголовном судопроизводстве // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2010. № 18. С. 7.
4. Курмаева, Н. А. Тактические и процессуальные особенности участие специалиста-психолога в допросе несовершеннолетних потерпевших и свидетелей на предварительном следствии // Вопросы ювенальной юстиции. 2011. № 1 (33). С. 37.
5. Корнелюк, В. С. Расследование хищений чужого имущества: учебное пособие. — Волгоград, 2001.

Нарушение прав и законных интересов граждан при производстве отдельных следственных действий

Блинова Елена Владимировна, преподаватель
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя

В данной статье рассматриваются проблемные вопросы нарушения законных прав и интересов граждан при производстве следственных действий.

Ключевые слова: данные предварительного расследования, обыск, осмотр места происшествия, допрос.

Право на неприкосновенность частной жизни провозглашено ст. 23 Конституции РФ. Каждый, гласит основной Закон, имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей

чести и доброго имени. Каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения.

В юридической литературе принято включать в понятие неприкосновенность частной жизни запрет на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия; право контролировать информацию о себе; право на защиту чести и доброго имени; право на защиту персональных данных; право на тайну связи; право на неприкосновенность жилища; врачебная тайна, тайна исповеди, тайна усыновления и другие виды профессиональной тайны.

Являясь, несомненно, высшей ценностью государства, права, граждан все же могут быть подвержены нарушению в законном порядке, т.е. в строго оговоренных законом случаях.

Уголовный процесс, в общем, и производство следственных действий, в частности, ограничивает перечисленные права граждан, без чего невозможно было бы реализовать их цели.

Статья 29 Всеобщей декларации прав человека, отмечающая в этом году свое 68-летие, к целям ограничения прав человека относит обеспечение должного признания и уважения прав других людей.

Закон предусматривает сохранение личных и профессиональных тайн. Так, обыск, выемка, осмотр помещения, наложение ареста на корреспонденцию и выемка ее в почтово-телеграфных учреждениях могут производиться только на основаниях и в порядке, установленных уголовно-процессуальным законом (ст. 12 УПК). При этом следователь обязан принимать меры к тому, чтобы не были оглашены выявленные при обыске и выемке обстоятельства интимной жизни лица, занимающего обыскиваемое помещение, или других лиц.

Осмотр жилого помещения должен производиться только с согласия проживающих в нем лиц или на основании судебного решения. Если указанные лица возражают против осмотра, следователь выносит мотивированное постановление о возбуждении перед судом ходатайства о производстве осмотра.

Если жилое помещение является местом происшествия, и его осмотр не терпит отлагательства, он может быть произведен по постановлению следователя, но с последующим уведомлением прокурора о произведенном осмотре для проверки его законности.

Часть 7 ст. 182, детализируя порядок производства обыска в жилище, определяет: следователь принимает меры к тому, чтобы не были оглашены выявленные в ходе обыска обстоятельства частной жизни лица, в помещении которого был произведен обыск, его личная и (или) семейная тайна, а также обстоятельства частной жизни других лиц.

Статья 176 УПК РФ не делает аналогичной оговорки. При этом очевидно, что жилище — одно из наиболее рас-

пространственных мест происшествия. Следственное действие это проводится в том числе и до возбуждения уголовного дела. Вкупе с возможностью предупреждать участников проверки сообщения о преступлении о неразглашении данных досудебного производства, следователь получает значительные возможности по обеспечению права проживающих в жилище лиц на неприкосновенность частной жизни.

Значительной представляется и следующая проблема. Посредством допросов свидетелей в материалы уголовных дел попадает значительный объем личной информации: о частной жизни лица, его заболеваниях, контактах.

Ст. 161 УПК РФ определяет, что данные предварительного расследования не подлежат разглашению. Уголовная же ответственность за разглашение таких данных наступает строго в случае, если разгласившее их лицо было в установленном законом порядке предупреждено о недопустимости такого разглашения.

Предупредить же о недопустимости разглашения данных предварительного расследования обвиняемого нельзя. Это нарушило бы его право на защиту. В Определении Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2004 г. N467-О «По жалобе гражданина Пятничука Петра Ефимовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 46, 86 и 161 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», указано, что статус подозреваемого, предусмотренный статьей 46 УПК Российской Федерации, содержание которой аналогично нормам о статусе обвиняемого и не предполагает возложение на него обязанности давать подписку о неразглашении без соответствующего разрешения ставших ему известными в связи с участием в предварительном расследовании данных и последующего привлечения к уголовной ответственности за их разглашение.

Со всеми материалами уголовного дела (за исключением постановления о сохранении в тайне данных о личности, о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве), а значит и с протоколами допросов, обвиняемый в обязательном порядке будет ознакомлен по окончании предварительного расследования, в порядке, предусмотренном ст. 217 УПК РФ.

Таким образом, в этой части, частная жизнь граждан, вовлеченных в орбиту уголовного процесса, оказывается незащищенной. По мнению автора необходимо провести научные исследования по данному вопросу и разработать предложения, которые позволят наиболее эффективно защищать права и законные интересы граждан участвующих в уголовном судопроизводстве.

Литература:

1. Блинова, Е. В. Обеспечение неразглашения данных предварительного расследования в деятельности полиции // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 5. С. 120—123.

2. Макеев, А. В., Макеева Н. В. Защита прав и обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства в решениях европейского суда по правам человека // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2010. Т. 11. № 1. С. 20–24.
3. Орлова, Е. А., Артюшенко Е. И. Правовое регулирование обеспечения и обоснованности ограничения прав человека и гражданина // Апробация. Изд-во: Общество с ограниченной ответственностью «Апробация» (Махачкала). № 9 (48). 2016. С. 51.
4. Фадеев, П. В. Признаки и понятие обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве // Российская юстиция. 2014. № 3. С. 32–34.

Актуальные проблемы при расследовании органом дознания причинения вреда здоровью

Бородкина Татьяна Николаевна, кандидат юридических наук, старший преподаватель
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя

В данной статье указаны виды причинения вреда здоровью; проанализированы наиболее часто встречающиеся составы, расследование по которым осуществляют органы дознания; перечислены ошибки в квалификации ряда преступлений, а именно: при квалификации причинения легкого вреда здоровью, причинения побоев и истязания.

Ключевые слова: причинение вреда здоровью, дознаватель, побои, истязание.

Причинение вреда здоровью — понятие, объединяющее ряд преступлений, различающихся между собой как по форме вины, так и по обстоятельствам, а также по степени тяжести наступивших последствий. В статье мы проанализируем только наиболее часто встречающиеся составы, расследование по которым осуществляют органы дознания, сгруппировав их в три группы: 1) Умышленное причинение вреда здоровью различной степени тяжести (ст. 112 УК РФ «Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью»; ст. 115 УК РФ «Умышленное причинение легкого вреда здоровью»); 2) Побои, истязание (ст. 116 УК РФ, ст. 116.1 УК РФ; ч. 1 ст. 117 УК РФ); 3) Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности (ст. 118 УК РФ).

При расследовании органом дознания указанных преступлений часто возникают ошибки в их квалификации и отграничении составов друг от друга. Современная правоприменительная практика исходит из того, что умышленное причинение легкого вреда здоровью охватывается диспозицией ст. 117 УК РФ и не требует дополнительной квалификации по ч. 1 ст. 115 УК РФ. При этом последствия в виде легкого вреда здоровью не являются обязательным признаком истязания и на квалификацию не влияют. Особую актуальность имеет отграничение истязания, в результате которого причиняется легкий вред здоровью, от умышленного причинения указанного вреда здоровью.

Основным разграничивающим критерием будут выступать особенности субъективной стороны указанных правонарушений. Совершение преступления, предусмо-

тренного ст. 115 УК РФ, возможно, как с прямым, так и с косвенным умыслом, в отличие от истязания, которое может совершаться только с прямым умыслом.

Приведем пример. Так, органами предварительного расследования было установлено, что Г. в течение трех месяцев на почве личных неприязненных отношений систематически избивал свою жену С. Каждый раз муж наносил жене телесные повреждения в виде кровоподтеков и ссадин, без причинения вреда здоровью, за исключением четвертого эпизода, когда в результате действий Г., по заключению судебно-медицинской экспертизы, потерпевшей был причинен легкий вред здоровью. Действия Г. органами предварительного расследования были квалифицированы по ч. 1, ст. 117 УК РФ. Однако в результате судебного разбирательства было установлено, что супруги периодически ссорились и во время этих ссор обоюднo применяли физическое и психическое насилие друг против друга. По показаниям свидетелей, муж и жена постоянно «ходили в синяках», при этом «кто кого больше бил», они точно сказать не могли. В связи с этим суд обоснованно, с нашей точки зрения, переквалифицировал действия Г. с ч. 1 ст. 117 УК РФ на ст. 116 и 115 УК РФ, указав в мотивировочной части приговора, что обоюдное нанесение побоев во время ссор на почве личных неприязненных отношений не может быть квалифицировано как истязание [1].

Побои и «иные насильственные действия» выступают в качестве способов истязания. Следует проводить отграничение истязания от систематических по-

боев и от одноэпизодных или многоэпизодных «иных насильственных действий». В данном случае основным критерием следует признать направленность умысла. Так, Ф. вместе с приятелем В. встретили на улице знакомого последнего, гражданку К. Ф. предложил отметить свое новое знакомство в принадлежащей ему квартире. Все согласились, купили в магазине спиртное и направились на квартиру Ф. Затем Ф. стал высказывать недвусмысленные намеки о желательности интимных отношений с К. Когда последняя ответила отказом, Ф. стал угрожать ей и ударил К. несколько раз по лицу, а затем взял со стола нож и приставил его к горлу потерпевшей. Затем стал наносить колотые раны кончиком ножа в область икр, рук и груди, отчего образовались порезы. Общее время насильственного воздействия составило около 15 минут. Когда К. попыталась убежать в другую комнату, Ф. догнал её и нанес в область спины удар ножом, который, однако, в силу сильного алкогольного опьянения преступника не причинил большого ущерба здоровью К. Суд пришел к выводу, что предварительная квалификация по ч. 1 ст. 117 УК РФ не соответствует обстоятельствам дела, в связи с чем признал, что Ф. совершил преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 116 УК РФ. В мотивировочной части приговора было указано, что, исходя из обстоятельств дела, «не доказано причинение потерпевшей физической боли в течение продолжительного времени и в действиях Ф. нет систематичности» [1].

Правильное установление субъективной направленности действий виновного при совершении преступления можно проиллюстрировать примером из судебной практики. Органами предварительного расследования действия А. квалифицированы по п. «г» ч. 2 ст. 117 УК РФ. Судебным разбирательством было установлено следующее. А. проживал совместно с женой, несовершеннолетним сыном Ромой и своей тещей. Отец Рому наказывал, но физическое насилие к нему не применял, хотя все время грозился. Вечером 4 апреля 2000 г. отец пришел с работы и взял у сына на проверку дневник. Увидев вырванные страницы, он снял с пояса ремень и со словами: «Только дедовский метод поможет» — выпорол мальчика. Суд в мотивировочной части приговора, указав, что А. действовал «в воспитательных целях». В связи с этим содеянное А. было квалифицировано по ст. 116 УК РФ [1].

Подводя итог, можно отметить, что у дознавателей часто возникают ошибки в квалификации ряда преступлений, а именно: при квалификации причинения легкого вреда здоровью, причинения побоев и истязания. Вместе с тем расследование данной группы преступлений представляет собой сложный и трудоемкий процесс, требующий тщательного планирования, подготовки и значительных затрат времени. Дознаватель должен более тщательно устанавливать все объективные и субъективные признаки рассматриваемых преступлений, чтобы не допустить возникновения ошибок в квалификации преступлений.

Литература:

1. Аналитические данные по материалам изученных уголовных дел с 2011 по 2016 год.
2. Арестова, Е. Н. Предварительное следствие / Учебник для курсантов и слушателей образовательных учреждений высшего профессионального образования МВД России по специальности «Юриспруденция» / под редакцией М. В. Мешкова. Москва, 2012.
3. Артемова, В. В. Получение объяснения — новый способ проверки сообщения о преступлении // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 7. С. 76–78.
4. Блинова, Е. В. Обеспечение неразглашения данных предварительного расследования в деятельности полиции // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 5. С. 120–123.
5. Есина, А. С., Арестова Е. Н. Дознание в органах внутренних дел // пособие для подготовки к экзаменам / Москва, 2009.
6. Титовец, И. В. Правовые последствия неустановления характера и размера вреда, причиненного преступлением // В сборнике: Возмещение вреда потерпевшему в уголовном судопроизводстве: организационные, правовые и криминалистические проблемы Международная научно-практическая конференция. 2016. С. 265–268.

Проблемы возбуждения уголовного дела о незаконном использовании средств индивидуализации товаров (работ, услуг)

Галкина Ульяна Викторовна, преподаватель
Московский Университет МВД России имени В. Я. Кикотя

В статье исследуются актуальные и практически значимые проблемы возбуждения уголовного дела о незаконном использовании средств индивидуализации товаров (работ, услуг).

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, незаконное использование средств индивидуализации товаров, товарный знак, исключительное право.

Уголовно-правовой защите в действующем законодательстве подлежат такие средства индивидуализации как товарный знак, знак обслуживания и наименование места происхождения товара. Преступление, предусмотренное ст. 180 УК РФ, посягает одновременно на два непосредственных объекта — общественные отношения, обеспечивающие исключительные права лиц на средства индивидуализации товаров, работ и услуг, и общественные отношения в сфере добросовестной конкуренции субъектов экономической деятельности. На средства индивидуализации, в отличие от других объектов интеллектуальной собственности, признается только исключительное право, являющееся имущественным правом [1, с. 92].

Исключительное право на товарный знак и наименование места происхождения товара может быть осуществлено для индивидуализации товаров, работ или услуг, в отношении которых зарегистрировано данное обозначение, в частности путем размещения на товарах, включая этикетки и упаковки; при выполнении работ и оказании услуг; на документации, связанной с введением товаров в гражданский оборот; в рекламе; на вывесках, в объявлениях, в коммерческих предложениях и т.п.; в сети Интернет, включая доменное имя и другие способы адресации (ст. 1484 ГК РФ). Особенностью исключительного права на товарный знак является его закрепленность за правообладателями, круг которых ограничен юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями (ст. 1478 ГК РФ). Поэтому, анализируя материал проверки по факту незаконного использования товарного знака, дознавателю необходимо обращать внимание на статус правообладателя. Особо хотелось подчеркнуть, что использование товарного знака не только право, но и обязанность правообладателя. Не используя в течение года товарный знак в установленном законом порядке, на основании принятого в соответствии со статьей 1486 ГК РФ решения компетентного органа, правовая охрана товарного знака может быть досрочно прекращена, что лишает правообладателя права подачи заявления в правоохранительные органы о незаконном использовании товарного знака.

Если в ходе проведения проверки или расследования уголовного дела возникает вопрос о сходстве или тожде-

стве товарного знака, то дознавателю необходимо обратиться к специалистам или экспертам Роспатента и подведомственным ему организациям [2].

Не является нарушением исключительного права на товарный знак использование этого товарного знака другими лицами в отношении товаров, которые были введены в гражданский оборот на территории РФ непосредственно правообладателем или с его согласия. Согласие правообладателя на введение в гражданский оборот указанных объектов необходимо получить только один раз. Во всех последующих сделках этого делать не надо. При этом обязательным условием является то, что товары не должны подвергаться какому-либо изменению, например, разбавляться, смешиваться с другими или даже переупаковываться.

Сфера действия исключительного права на товарный знак ограничивается:

— перечнем товаров и услуг, указанных в свидетельстве (п. 2 ст. 1481, п. 2 ст. 1484 ГК РФ); Поэтому, если при рассмотрении материала проверки будет установлено, что товарный знак наносился на товар, который не включен в перечень, занесенный в свидетельство о регистрации товарного знака, то такие действия нельзя считать преступными.

— признанием на территории РФ исключительного права на товарный знак, зарегистрированный в федеральном органе исполнительной власти по интеллектуальной собственности, а так же в других случаях, в соответствии с международным договором РФ (ст. 1479 ГК РФ); Если на территории РФ не зарегистрирован товарный знак или его действия не регламентированы международными договорами (Мадридское соглашение, Парижская конвенция), то действия по использованию обозначения нельзя квалифицировать как незаконное использование товарного знака.

— сроком, на который данный товарный знак зарегистрирован (ст. 1491 ГК РФ). Срок действия исключительного права на товарный знак согласно п. 1 ст. 1491 ГК РФ 10 лет со дня подачи заявки на государственную регистрацию. Срок действия регистрации товарного знака может быть продлен еще на 10 лет по заявлению правообладателя, поданному в течение последнего года действия регистрации (п. 2 ст. 1491 ГК РФ). Такое продление

возможно неограниченное число раз — это прямо закреплено в абз. 2 п. 2 ст. 1491 ГК РФ. Соответственно, если при проведении проверки по заявлению или в ходе расследования уголовного дела будет установлено, что срок действия исключительного права на средство индивидуализации истек, и его правообладатель не подал заявку о продлении срока регистрации исключительного права, то в возбуждении уголовного дела следует отказать, либо уголовное дело прекратить.

Правообладатель может распоряжаться исключительным правом на товарный знак. Распоряжение исключительным правом на товарные знаки регламентировано ст.ст. 1488, 1489 ГК РФ. Указанные нормы ГК РФ предусматривают заключение договора об отчуждении исключительного права на товарный знак и лицензионного договора о предоставлении права использования товарного знака. Указанные договоры подлежат обязательной регистрации в Роспатенте.

Литература:

1. Галкина, У. В. Интеллектуальные права на средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий. // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 2. С. 92–96.
2. Методические рекомендации по проверке заявленных обозначений на тождество и сходство. Приказ Роспатента № 197 от 31.12.09 г.
3. Макаренко, М. М., Ермаков С. В. Возбуждение уголовного дела: проблемные вопросы // Российский следователь. 2015. № 6. С. 27–31.
4. Самолаева, Е. Ю. К вопросу о практике прекращения в связи с примирением сторон. // В сборнике: Современные проблемы законности и справедливости в уголовном процессе Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию заслуженного юриста Российской Федерации, доктора юридических наук, профессора А. П. Гуляева. 2014. С. 236–240.

Некоторые аспекты определения розыскных действий в современном законодательстве

Гончар Владимир Владимирович, кандидат юридических наук, старший преподаватель
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя

Данный материал посвящён таким относительно новым розыскным действиям как проверка по ДНК-учётам и использование информационно-телекоммуникационных сетей.

Ключевые слова: *розыск, поиск, розыскные действия, розыскные меры, новые розыскные действия, современные розыскные действия определение понятия.*

В данной статье мы не будем рассматривать «классические» розыскные действия, такие как засада, подомные и поквартирные обходы, прочёсывание местности, применение служебно-розыскных собак и т.д., а сконцентрируемся на относительно новых и недостаточно, по нашему мнению, изученных розыскных действиях следователя — проверке по ДНК-учётам и использовании информационно-телекоммуникационных сетей.

В договоре об отчуждении исключительного права на товарный знак должно быть зафиксировано передает ли правообладатель или обязуется передать в полном объеме принадлежащее ему исключительное право на соответствующий товарный знак в отношении всех товаров или в отношении части товаров, для индивидуализации которых он зарегистрирован. Предметом лицензионного договора в зависимости от его разновидности может быть исключительное либо неисключительное право на использование товарного знака в отношении всех или части товаров, для которых он зарегистрирован.

Таким образом, расследуя уголовные дела, связанные с нарушением исключительного права на товарные знаки и знаки обслуживания, должностному лицу органов внутренних дел следует обращать внимание на многочисленные гражданско-правовые аспекты существования исключительного права на средства индивидуализации.

Началом использования ДНК — учётов в Российской Федерации можно считать 2006 год, когда началось системное формирование базы данных ДНК. Это связано с включением в экспертно-криминалистические учеты, данных ДНК биологических объектов [1]. В дальнейшем ведение ДНК-учета было законодательно закреплено Федеральным законом от 3 декабря 2008 года № 242-ФЗ «О государственной генетической регистрации в Российской Федерации».

В настоящее время объем информации в базе данных ДНК-учетов формируется, в значительной степени, за счет добровольной и обязательной государственной геномной регистрации. Обязательная геномная регистрация проводится в отношении лиц указанных в ст. 7 ФЗ № 242 от 03 декабря 2008 года.

В соответствии с пунктами 14, 20 и 21 Правил ведения экспертно-криминалистических учетов в органах внутренних дел Российской Федерации [1] учет данных ДНК (ДНК-профилей) биологических объектов предназначен для установления лиц, оставивших биологические следы на месте происшествия, фактов принадлежности биологических следов, изъятых по нескольким преступлениям, одному и тому же лицу.

Кроме того, ДНК подозреваемых (обвиняемых) лиц сверяются с ДНК биологических следов изъятых с мест происшествий, что позволяет установить причастность проверяемых к ранее совершённым преступлениям. Данные обстоятельства позволяют отнести проверку по ДНК-учётам к самостоятельному розыскному действию.

Продолжая анализ инновационных подходов к розыску подозреваемых и обвиняемых, необходимо проанализировать *использование ресурсов информационно-телекоммуникационных сетей*.

Необходимо отметить, что значительное количество разыскиваемых подозреваемых и обвиняемых вызывают необходимость использования в розыскной работе большого количества всевозможных информационных ресурсов. Формы сбора и поиска информации о разыскиваемом лице и его местонахождении постоянно совершенствуются.

Обеспечение рабочих мест сотрудников правоохранительных органов доступом в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» позволяет воспользоваться значительным массивом информации о разыскиваемых лицах.

Доступ к значительным информационным ресурсам, подразумевает необходимость методического обеспечения использования этих ресурсов в целях розыска установленных объектов.

Так, в 2010 году Федеральной службой судебных приставов разработаны и внедрены в практическую деятельность — методические рекомендации по использованию сети Интернет в целях поиска информации о должниках и их имуществе [2]. В анализируемых методических рекомендациях, достаточно подробно приводятся методы обнаружения разыскиваемых объектов в сети Интернет. Рекомендуется, первоначальный поиск сведений о разыскиваемых объектах осуществлять: в поисковых системах (например, yandex.ru, google.ru, bing.com, yahoo.com, rambler.ru, metabot.ru, search.

com); в каталогах (например, yasa.yandex.ru, list.mail.ru, vsego.ru); на сайтах социальных сетей необходимая информация содержится не только на персональных страницах граждан, но и на Интернет-страницах социальных сетей, объединяющих пользователей — работников организаций в группы (например, instagram.com, odnoklassniki.ru, vkontakte.ru, facebook.com, linkedin.com и др.); в блогах, которые могут быть личными, групповыми/корпоративными, общественными, тематическими или общими (например, livejournal.com, my.ya.ru, twitter.com, li.ru, blogs.mail.ru, diary.ru); в базах данных адресов и телефонов (например, 09service.com, pomer.org, lookup.com); на электронных досках объявлений о покупке/продаже имущества (например, avito.ru, irr.ru); в открытых базах данных государственных и коммерческих организаций; на сайтах новостей, где содержится информация о фамилиях граждан и наименованиях организаций, участвующих в событиях.

Целесообразность использование рассматриваемых рекомендаций поддерживается и некоторыми учёными, так Ерохин И. В. справедливо указывает, что розыскной интерес, помимо различных социальных сетей, представляют всевозможные тематические сайты и форумы, сайты объявлений, сайты некоторых государственных органов. Использование поисковых систем сети Интернет позволяет определить все сайты, информация на которых каким-либо образом связана с фамилией, именем, отчеством должника [4, с. 25–31]. Представляется, что подобные рекомендации необходимо использовать и при розыске подозреваемых и обвиняемых.

Необходимо, отметить, что указанные методы использования информационно-телекоммуникационных сетей не исчерпывающие, возможности использования данных сетей для розыска установленных объектов, в том числе подозреваемых и обвиняемых, гораздо шире. Так, при обнаружении «следов пребывания» разыскиваемого лица в сети (посещение социальной сети, отправленное письмо, оставленная запись в блоге, опубликованная фотография и т.д.), появляется возможность идентифицировать ip и mac адреса, которые позволяют установить физическое место пребывания данного лица в момент выхода в сеть и идентифицировать оборудование, с которого осуществлялся данный выход. Полученная информация может быть использована для установления местонахождения и задержания разыскиваемого лица.

Проанализированные данные позволяют сделать вывод, что *использования информационно-телекоммуникационных сетей* так же является самостоятельным розыскным действием.

Литература:

1. Приказ МВД РФ от 10 февраля 2006 г. № 70 «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации»// СПС КонсультантПлюс 2016.

2. Методические рекомендации по использованию сети Интернет в целях поиска информации о должниках и их имуществе (утверждены Федеральной службой судебных приставов РФ 30 ноября 2010 г. № 02–7) // СПС КонсультантПлюс 2016.
3. Гончар, В. В. Теоретические и правовые аспекты розыскной деятельности следователя. Монография: — М., Инфра-М, 2017.
4. Ерохин, И. В. Использование передовых форм и методов работы с должниками — гарантия осуществления правосудия // Практика исполнительного производства. 2015. № 1. С. 25–31.

Производство процессуальных действий на стадии возбуждения уголовного дела

Ермаков Сергей Вячеславович, кандидат юридических наук, доцент
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя

В статье рассматриваются некоторые проблемы проведения процессуальных действий на стадии возбуждения уголовных дел по преступлениям экономической направленности.

Ключевые слова: *стадия возбуждения уголовного дела, проверка сообщения о преступлении, процессуальные действия, преступления экономической направленности.*

Доказательственная база по большинству преступлений экономической направленности формируется в процессе их выявления оперативными сотрудниками, а также на этапе проверки сообщения о преступлении. В ходе проверки сообщения происходит первичное установление и закрепление признаков преступления экономической направленности. От качества проведенной проверки во многом зависит успех дальнейшего расследования преступления экономической направленности. Существенно влияет на качество расследования преступлений экономической направленности несовершенство уголовно-процессуального закона, применительно к вопросам доследственной проверки и возбуждения уголовных дел данной категории. Ошибки, допущенные на этой стадии уголовного процесса, нередко влекут утрату доказательств, имеющих значение для предъявления обвинения.

Из комплекса правомочий по производству следственных и процессуальных действий, предусмотренных ст. 144 УПК РФ, наиболее востребованными при проверке сообщения о преступлении экономической направленности являются: получение объяснений; осмотр места происшествия; истребование и (или) изъятие документов и предметов; осмотр документов, предметов; производство документальных проверок, ревизий; получение образцов для сравнительного исследования; исследование предметов, документов; проведение оперативно-розыскных мероприятий, в том числе по поручению следователей; назначение судебной экспертизы и (или) принятия участия в ее производстве, получение заключения эксперта.

При интервьюировании работников следственных и оперативных подразделений Москвы и Московской об-

ласти были выявлены следующие проблемы, возникающие на стадии возбуждения уголовного дела:

1. Проблема достаточности собранных материалов в ходе проверки сообщения о преступлении экономической направленности для принятия решения о возбуждении уголовного дела. Органы предварительного расследования мотивируют свой отказ в принятии решения о возбуждении уголовного дела недостаточностью данных, собранных оперативным сотрудником, указывают на отсутствие отдельных документов, дополнительных объяснений, справок, документов из банков и т.п., а зачастую требуют представить им готового подозреваемого с признательными показаниями. Однако установление виновности, как известно, не входит в задачу проверки сообщений о преступлениях [3, с. 27].

2. Дублирование проверочных мероприятий до возбуждения уголовного дела и в дальнейшем в ходе производства предварительного расследования. При расследовании преступлений экономической направленности типичными следственными действиями являются выемки и допросы. При этом, до возбуждения уголовного дела со значительными проблемами добываются документы. В данном случае речь идет не только об оригиналах, но и о получении копий или выписок. Кроме того, в ходе доследственной проверки, сначала получают объяснения, затем после возбуждения уголовного дела допрашивают по тем же фактам, что ведет к необоснованному увеличению трудозатрат. Анализ действующего УПК РФ позволяет сделать вывод о необходимости модернизации законодательства в части изменения перечня следственных и иных процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении. В настоящее время законодатель в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ статьи существенно

уравнивал правовой статус лиц, участвующих в проверке сообщения, с участниками уголовного расследования. Это положение включает права не свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников, предусмотренные ст. 51 Конституции Российской Федерации, а также приносить жалобы на действия (бездействие) следственных органов в порядке, установленном главой 16 УПК РФ, иметь адвоката. В системе доказательств объяснение рассматривается в качестве иного документа, имеющего равное значение с остальными, указанными в ст. 74 УПК РФ. Однако это не освобождает следователей от необходимости производства в последующем допросов и получения уже показаний подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего.

3. Ограниченный круг следственных действий возможных до возбуждения уголовного дела по признакам преступлений экономической направленности. Набор следственных действий, предусмотренных частью 1 ст. 144 УПК РФ, может быть достаточен для установления признаков общеуголовных преступлений, но не для преступлений экономической направленности. В связи с этим начала складываться практика расширительного

толкования данной нормы относительно истребования (изъятия) предметов и документов при проведении доследственной проверки по признакам преступлений экономической направленности.

4. Недостаточный срок для проверки сообщений по преступлениям экономической направленности, если проверка проводится по заявлению.

Это вызвано, как значительными объемами добываемых сведений, с одной стороны, так большой загруженностью сотрудников, вызванной, в большинстве случаев, необходимостью рассматривать огромный массив заявлений, по которым выносятся постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. Это в свою очередь снижает качество проведения доследственной проверки по реальным преступлениям.

Для того, чтобы решить указанные проблемы, необходимо расширить спектр процессуальных средств, применяемых на этапе проверки сообщения о преступлении, предусмотрев в ч. 1 ст. 144 УПК РФ возможность проведения до возбуждения уголовного дела также выемки и допроса свидетелей. При этом следователь после возбуждения уголовного дела в дальнейшем будет завершать фактически начатое органами дознания расследование.

Литература:

1. Алиммаедов, Э. Н. Некоторые проблемы возбуждения уголовных дел по экономическим преступлениям // Журнал научных и прикладных исследований. 2016. № 9. С. 19–21.
2. Артемова, В. В. Проблемные аспекты реализации истребования и изъятия предметов и документов на этапе возбуждения уголовного дела // Российский следователь. 2014. № 3. С. 3–5.
3. Есина, А. С., Жамкова О. Е. Некоторые предложения по реформированию стадии возбуждения уголовного дела (отечественный и зарубежный опыт) // Международное уголовное право и международная юстиция. 2016. № 5. С. 10–12.
4. Есина, А. С., Жамкова О. Е. Нуждается ли в сохранении стадия возбуждения уголовного дела? // Библиотека криминалиста. № 5(28). 2016. С. 210–216.
5. Иванов, Д. А., Угольников А. В. Заявление о преступлении, исходящее от юридического лица, как повод для возбуждения уголовного дела // Налоги. 2009. № 24. С. 9–13.
6. Макаренко, М. М., Ермаков С. В. Возбуждение уголовного дела: проблемные вопросы // Российский следователь. 2015. № 6. С. 27–31.

Обеспечение дознавателем прав участников уголовного судопроизводства при производстве обыска в жилище

Макаренко Мадина Муссаевна, кандидат юридических наук, доцент
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя

Статья посвящена изучению проблем теоретического, правового и организационного характера, возникающих у дознавателя по организации и проведению обыска в жилище.

Ключевые слова: следственное действие, обыск, доказательства.

Собирание доказательств посредством производства обыска в жилище, относящегося к следственным дей-

ствиям, ограничивающим конституционные права и свободы граждан, — это наиболее сложная и ответственная

часть работы дознавателя. В значительной степени от результатов данного следственного действия и грамотной реализации, законодательно закрепленных за дознавателем полномочий, зависит то, насколько результативно и рационально будет проведено расследование по уголовному делу.

Обыск в жилище — следственное действие, производимое с разрешения суда, связанное с вторжением в сферу частных интересов участников уголовного процесса (свидетелей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых). Именно поэтому законодатель требует обоснованности данного решения со стороны правоприменителя. Личные права и свободы человека предполагают возможности оградить вмешательство в частную жизнь конкретного субъекта, его внутренний мир, обеспечить своеобразие развития и существования каждого конкретного индивида. Получение разрешения суда на основании достоверных сведений, полученных законным путем, позволяет избежать необоснованного ограничения прав граждан. Крайне важным представляется и выработка у правоприменителя единообразного понимания того, что является основанием для проведения подобного следственного действия. Законодателем не предусмотрена возможность обжалования в вышестоящий суд отказа в удовлетворении ходатайства о проведении обыска в жилище. Считаем, что должностные лица и органы, производящие расследование, должны быть вправе в случае отказа судьи в даче разрешения на проведение следственных действий по тому же вопросу обратиться в вышестоящий суд. Нам представляется целесообразным введение указанной процедуры в рамках действующего уголовно-процессуального законодательства.

Анализ следственно-судебной практики и научных трудов различных авторов позволил нам выявить ряд проблем, связанных с производством обыска в жилище. Среди них: недостаточность фактических оснований, по которым обосновывается производство обыска; проблемы, связанные с неотложностью проведения обыска; проблемы, связанные с участием понятых в производстве обыска, а также привлечение иных участников (свидетелей, потерпевших и др.).

Существует ряд определенных правил, при которых производится обыск в жилище. Прежде всего, дознаватель должен принимать меры к тому, чтобы не были оглашены выявленные при обыске в жилище обстоятельства интимной жизни лица, у которого производится обыск, или других лиц. Эти требования вытекают из содержания статей, непосредственно регламентирующих процессу-

альный порядок производства соответствующего следственного действия, и являются средствами обеспечения и защиты прав.

В соответствии с законом производство следственных действий в ночное время не допускается, за исключением случаев, не терпящих отлагательства. Определение тех, либо иных случаев как не терпящих отлагательства относится к разряду оценочных, так как это оценивается по внутреннему убеждению должностных лиц уголовного судопроизводства. Считаем целесообразным конкретизировать положение ч. 5 ст. 164 УПК РФ и указать, что к не терпящим отлагательства относятся случаи, когда при непроведении процессуального действия в ночное время доказательства будут утрачены, уничтожены или иным образом искажены. Например, при несвоевременном производстве обыска или выемки предметы и документы будут перенесены в другое место или уничтожены.

С практической точки зрения следует предусмотреть ряд определенных действий. Необходимо заранее подобрать понятых, так как их может не оказаться на месте проведения данного следственного действия, либо они могут находиться в сговоре с обыскиваемым. Необходимо правильно определить границы обыскиваемой территории — началом проведения обыска будет непосредственно не только входная дверь, но и территория, в сторону которой выходят окна из помещения, так как предмет, который нужно обнаружить может быть выброшен в окно. Если при обыске необходимо изъять мобильный телефон, а также иные технические средства, которые имеют пароли, необходимо его узнать у обыскиваемого.

Следует отметить, что организационная деятельность дознавателя при производстве следственных действий, проводимых с разрешения суда, направлена, прежде всего, на соблюдение процессуального порядка производства таковых следственных действий. Установленный законом порядок предусматривает пределы допустимого. Это, в свою очередь, гарантирует не только соблюдение прав и законных интересов, но одновременно и относимость, и допустимость полученных при этом доказательств.

Считаем, что обыск в жилище может производиться в присутствии иных лиц, принявших на себя обязательство по сохранности жилища и находящегося в нем имущества, в том числе и по устной договоренности, в частности, соседей, представителя жилищно-эксплуатационной организации, при условии, что в постановлении судьи оговаривается невозможность обеспечения присутствия при обыске проживающих в жилище лиц.

Литература:

1. Арестова, Е. Н. Предварительное следствие / Учебник для курсантов и слушателей образовательных учреждений высшего профессионального образования МВД России по специальности «Юриспруденция» / под редакцией М. В. Мешкова. М., 2012.
2. Есина, А. С., Федулова И. И. К вопросу о процессуальной самостоятельности дознавателя // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 2. С. 12–15.

3. Корнелюк, В. С. Расследование хищений чужого имущества: учебное пособие. — Волгоград, 2001.
4. Фадеев, П. В. Теоретические основы правовой помощи участникам уголовного судопроизводства // М., 2014. Сер. Уголовный процесс.

Производство допроса свидетеля в судебном разбирательстве в условиях исключаяющих его визуальное наблюдение

Макеева Наталья Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя

В статье анализируются проблемы, возникающие в судебном разбирательстве при допросе свидетеля в условиях, исключаяющих его визуальное наблюдение.

Ключевые слова: *обеспечение безопасности свидетеля, допрос свидетеля в судебном разбирательстве в условиях, исключаяющих визуальное наблюдение.*

Согласно ч. 5 ст. 278 УПК, при необходимости обеспечения безопасности свидетеля, его близких родственников, родственников и близких лиц допрос свидетеля в судебном разбирательстве может производиться в условиях, исключаяющих его визуальное наблюдение другими участниками судебного разбирательства [1, с. 93].

Также, в качестве одного из способов ограждения свидетеля от незаконного на него воздействия можно рассматривать демонстрацию в зале суда видеозаписи или оглашение показаний, данных защищаемым лицом на стадии предварительного расследования без его вызова в судебное заседание [3].

Согласно УПК РФ оглашение показаний, ранее даваемых при производстве предварительного расследования или судебного разбирательства, воспроизведение аудио- и (или) видеозаписи допросов допускается с согласия сторон в случае неявки потерпевшего или свидетеля (ст. 281 УПК РФ). Т. е. чтобы огласить показания свидетеля в суде, необходимо получить на то согласие и стороны обвинения, и стороны защиты. За исключением: смерти потерпевшего или свидетеля; тяжелой болезни, препятствующей явке в суд; отказа потерпевшего или свидетеля, являющегося иностранным гражданином, явиться по вызову суда; стихийного бедствия или иных чрезвычайных обстоятельств, препятствующих явке в суд. Лишь в этих случаях суд вправе по собственной инициативе или по ходатайству одной из сторон огласить показания. Кроме того, демонстрация видеозаписи не допускается без оглашения показаний (ч. 5 ст. 281 УПК РФ).

Представляется, что указанная статья не в полной мере гарантирует принципы равноправия и состязательности, согласно которым стороны уголовного судопроизводства наделены равными правами. В том числе стороны имеют право представлять суду любые доказательства, собранные в соответствии с требованием норм УПК РФ. В частности, ст. 281 УПК РФ не дает возмож-

ности суду получить объективное представление о собранных по делу доказательствах. Поскольку как показывает практика, несогласие с оглашением показаний, не явившихся свидетелей, потерпевших всегда высказывается стороной защиты [4]. Между тем, как один из способов обеспечения безопасности, указанное положение должно быть весьма эффективным, в случае, если лицо, которое активно шло на сотрудничество в ходе предварительного расследования, в результате противоправного воздействия, оказываемого на него, позднее отказывается от участия в судебном разбирательстве.

Суды требуют строго соблюдения всей процедуры, установленной нормами УПК РФ. И в случае выявления нарушений признает полученные таким образом доказательства недопустимыми и как следствие отменяют приговоры первой и апелляционной инстанций.

Например, при апелляционном рассмотрении дела в Верховном Суде Республики Башкортостан суд постановил отменить приговор, вынесенный судом первой инстанции, в том числе, и в связи с признанием нарушенными требования ч. 5 ст. 278 УПК РФ, поскольку протокол судебного заседания не содержал сведений о том, что председательствующим были установлены подлинные данные о личности допрашиваемого засекреченного свидетеля, на что в деле указывали не вскрытые конверты, в которых сохранились эти сведения.

При таких обстоятельствах не представилось возможным установить, какое именно лицо было допрошено судом под псевдонимом. Показания засекреченного свидетеля под псевдонимом являлись основной доказательственной базой по делу, но в связи с нарушениями порядка допроса его показания, данные в судебном заседании, решением ВС Республики Башкортостан от 20.01.2016 года по делу 22–511/2016, были признаны недопустимыми и как следствие вывод суда о виновности лиц, проходящих по делу, не обоснованным.

Судебной практикой на сегодняшний день выработана процедура, соответствующая требованиям норм УПК РФ и в полной мере гарантирующая охрану прав и свобод человека и гражданина участвующего в деле в качестве свидетеля [4].

Так, в соответствии со ст. 11, ч. 9 ст. 166 УПК РФ в целях необходимости обеспечения безопасности свидетеля его анкетные данные по поступившему от него заявлению в органы предварительного расследования должны быть изменены, о чем следователем должно быть вынесено мотивированное постановление. Затем, в соответствии с положениями ч. 5 ст. 278 УПК РФ, при необходимости обеспечения безопасности свидетеля, суд без оглашения подлинных данных о личности проводит его допрос в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства. Свидетель как в ходе предварительного, так и судебного следствия предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний. Допрос в судебном заседании свидетеля в условиях, исключающих его визуальное наблюдение другими участниками судебного разбирательства, должен быть осуществлен на основании соответствующего по-

становления, вынесенного судом в порядке ч. 2 ст. 256 УПК РФ. В обязательном порядке у подсудимого его защитника выясняют, не возражают ли они против допроса свидетеля в условиях, исключающих его визуальное наблюдение. Перед началом допроса судом устанавливается личность свидетеля путем сличения документов свидетеля и данных, имеющихся в закрытом пакете. У сторон выясняется, будет ли заявлено ходатайство о раскрытии подлинных сведений о лицах, дающих показания, в связи с необходимостью осуществления защиты подсудимого либо установления каких-либо существенных для рассмотрения уголовного дела обстоятельств, как того требует ч. 6 ст. 278 УПК РФ, стороной защиты. При допросе свидетеля в судебном заседании участникам процесса в обязательном порядке должна быть предоставлена возможность задавать вопросы и получать ответы на них.

Именно такой алгоритм действий в ходе допроса свидетеля в судебном разбирательстве в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства, может гарантировать защиту жизни и здоровья свидетеля, который опасается мести со стороны подсудимого.

Литература:

1. Арестова, Е. Н. Предварительное следствие / Учебник для курсантов и слушателей образовательных учреждений высшего профессионального образования МВД России по специальности «Юриспруденция» / под редакцией М. В. Мешкова. М., 2012.
2. Титовец, И. В. Показания подозреваемого, обвиняемого, полученные в отсутствие защитника и не подтвержденные в суде: процессуальные, финансовые, организационные проблемы // Российский следователь. 2015. — № 16. — С. 23.
3. Епихин, А. Ю. Обеспечение безопасности личности в уголовном судопроизводстве. — СПб., 2004. — С. 319.
4. Клецкин, А. Оглашение в суде показаний потерпевших и свидетелей / Законность. 2005. — № 10. — С. 39., Фадеев П. В. Правовая помощь как понятие и научная категория уголовно-процессуального права // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. — № 6. — С. 101.
5. Решение по делу 22–15158/2015 (24.12.2015, Верховный Суд Республики Башкортостан (Республика Башкортостан); Решение по делу 22–112/2016 (03.02.2016, Кемеровский областной суд (Кемеровская область).

Некоторые проблемы организации и проведения судебных экспертиз живых лиц

Попенков Антон Валерьевич, преподаватель
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя

В статье рассматриваются некоторые проблемы организации и проведения судебно-психиатрических экспертиз, при расследовании уголовных дел.

Ключевые слова: обвиняемый, судебная экспертиза, принудительные меры медицинского характера.

Согласно данным официальной статистики Судебного департамента при ВС РФ за 2015 год, судами

было рассмотрено по существу 8525 уголовных дел, где судьями было принято решение о применении принуди-

тельных мер медицинского характера. Для сравнения — в 2014 год судами было рассмотрено 8277 уголовных дел данной категории. Таким образом, можно констатировать рост показателей по данной категории уголовных дел почти на 3% [4].

Безусловно, если сопоставить дела данной категории с общим количеством уголовных дел поступивших в суды, то их количество составит менее одного процента от общей массы. Однако, если говорить об общественной опасности лиц, которые нуждаются в принудительном медицинском лечении и постоянном наблюдении врачей (порой и в стационаре), то следует признать, что именно среди данной категории лиц высок процент рецидива совершения общественно опасных деяний [3, с. 202]. Исследователи, занимающиеся изучением данной проблемы, отмечают, что удельный вес больных с повторными фактами совершения общественно опасных деяний за время болезни остается на протяжении ряда лет довольно стабильным и колеблется около 30% (в 2015 г. — 29,2%) от общего числа поступающих на принудительное лечение, а продолжительность так называемого интервала рецидива, то есть периода между окончанием принудительного лечения по одному уголовному делу и повторным общественно опасным деянием — имеет тенденцию к сокращению [5, с. 26].

При расследовании уголовного дела следователь в обязательном порядке изучает личность подозреваемого, в том числе производит сбор информации о нахождении лица на учете в специализированных диспансерах (психиатрических, наркологических), на излечении в специализированных больницах (психиатрических, наркологических). В случае если лицо состоит на учете в ПНД или наблюдается у врача психиатра, либо находилось на излечение в психиатрической больнице (в психиатрическом отделении), то в обязательном порядке назначается амбулаторная судебно-психиатрическая экспертиза (ст. 196 УПК РФ).

В соответствии с уголовно-процессуальным законом (ст. 195 УПК РФ) следователь, признав необходимым назначение судебно-психиатрической экспертизы, выносит об этом постановление, где указывает основания для её назначения. К моменту производства экспертизы следователь должен предоставить в распоряжение эксперта необходимые медицинские документы (выписку из амбулаторной карты поликлиники, диспансера; амбулаторные карты; истории болезней и т.д.), но главное — следователь обязан обеспечить явку самого подэкспертного лица на экспертизу. В правоприменительной практике именно данная обязанность и является трудновыполнимой для следователя.

Дело в том, что в системе уголовного судопроизводства нет положений, которые регулировали бы поведение участников уголовного судопроизводства перед проведением экспертиз, связанных с живыми лицами (судебно-медицинские, судебно-психиатрические). В то же время, анализ правоприменительной практики и личный

опыт следственной работы автора статьи позволяет сделать вывод о том, что в ходе расследования возникает острая необходимость в том, чтобы контролировать лиц, в отношении которых назначена амбулаторная экспертиза. В некоторых случаях лицо, в отношении которого назначено проведение обследования, препятствует его проведению. Выражается это в том, что лица, в отношении которых должно состояться медицинское обследование перед проведением экспертизы осознанно или неосознанно принимают лекарственные препараты, употребляют алкогольные напитки или наркотические вещества, что приводит к порче анализов, исследований, изменяет состояние испытуемого перед экспертизой (как физическое, так и психическое). Эти действия негативно сказываются на сроках расследования. Однако, поскольку законом не предусмотрено норм регламентирующих порядок поведения этих лиц в период предшествующий обследованию, то нет гарантий к тому, что и в следующий раз испытуемой вновь прибудет на экспертизу в «неадекватном виде». По мнению автора, в случае если подэкспертный не находится в режиме ограничения его свободы передвижения, то ничто не мешает ему вновь принимать какие либо лекарственные препараты или злоупотреблять спиртными напитками накануне проведения следственного действия.

Заметим, что срыв производства экспертизы наносит существенный вред расследованию по уголовному делу, поскольку перенос следственных действий ведет к необходимости продления срока предварительного расследования, нарушаются права иных участников уголовного процесса, в частности потерпевшего.

Следует признать, что подобной проблемы нет в деятельности следователя по тем уголовным делам, где подследственному была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. В этой связи решение обозначенной проблемы видится авторам в том, чтобы создать специализированные учреждения, куда следовало бы помещать испытуемого за 24 часа до начала производства экспертизы, а также предусмотреть санкции за срыв следственного действия в случае установления факта явки на медицинское обследование в ненадлежащем виде. Факт ненадлежащего состояния лица, в отношении которого должна состояться судебная экспертиза, должен быть удостоверен врачом-экспертом. Безусловно, применяться подобные меры должны только в тех случаях, когда следователь видит в этом необходимость.

Реализация подобного предложения потребует изменить не только ряд норм уголовно-процессуального закона, но так же рассмотреть предложения для финансирования подобных организаций, их обустройства, оплату труда работников этих организаций и многое другое. Однако с точки зрения автора подобное расходование бюджетных средств носит долгосрочный характер и, безусловно, положительно скажется на деятельности органов предварительного расследования и экспертных учреждений.

Литература:

1. Бородкина, Т. Н. Относимость и допустимость — как основные свойства заключения специалиста // Черные дыры в Российском законодательстве. 2007. № 2.
2. Макеева, Н. В. Становление и тенденции развития экспертно-криминалистической службы органов внутренних дел // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Академия управления МВД РФ. М., 1999.
3. Мусаев, Ю. О. Клинико-социальные и организационные аспекты профилактики ООД больных шизофренией: Автореф. дисс. канд. мед. наук. М., 1984. 26 с.; Мохонько А. Р., Муганцева Л. А.
4. Основные статистические показатели судов общей юрисдикции за 2014–2015 г.г. опубликованные на официальном сайте СД при ВС РФ: <http://www.cdep.ru/>
5. Основные показатели деятельности судебно-психиатрической экспертной службы Российской Федерации в 2014–2015 г. М., 2015. 202 с
6. Самолаева, Е. Ю. Некоторые особенности расследования преступлений против здоровья, подследственным следователям органов внутренних дел // В сборнике: Право и государство, общество и личность: история, теория, практика V Всероссийская научно-практическая конференция. 2015. С. 320–327.

Механизм реализации принципа языка уголовного судопроизводства: определение невладения или недостаточного владения языком, на котором ведется производство по уголовному делу

Пушкарев Виктор Викторович, кандидат юридических наук, доцент
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя

В статье исследуются проблемные вопросы механизма реализации принципа языка уголовного судопроизводства, определяются критерии невладения или недостаточного владения языком, на котором ведется производство по уголовному делу, значимые для принятия процессуальных решений по уголовному делу.

Ключевые слова: язык уголовного судопроизводства, принцип, следователь, дознаватель, суд, обвиняемый, подозреваемый переводчик.

Согласно ч. 1 ст. 68 Конституции Российской Федерации государственным языком Российской Федерации на всей её территории является русский язык, который в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 3 Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации» и ч. 1 ст. 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) подлежит обязательному использованию в уголовном судопроизводстве. Конституционная природа принципа языка уголовного судопроизводства, закрепленного в ст. 18 УПК РФ, служит гарантией соблюдения и обеспечения прав участников уголовного судопроизводства.

Результаты проведенного исследования судебно-следственной практики показывают, что в настоящее время получили широкое распространение случаи злоупотребления подозреваемыми (обвиняемыми) своими правами, предусмотренным ч. 2 ст. 18 УПК РФ.

Во-вторых, в отдельных случаях отсутствует понимание конституционной природы принципа языка уголовного судопроизводства и его содержания, так, Президиум суда Ямало-Ненецкого автономного округа вынес постановление по уголовному делу, в котором необосно-

ванно констатировал, что право на пользование родным языком в ходе уголовного судопроизводства путем обеспечения участия в деле переводчика, обеспечивается только лицам, не владеющим языком уголовного судопроизводства [8].

В-третьих, при реализации принципа языка уголовного судопроизводства имеют место существенные нарушения уголовно-процессуального закона следователями [9]: обвиняемому, не владеющему русским языком, не был предоставлен переводчик; подозреваемому (обвиняемому) не разъяснено право на участие переводчика; процессуальные документы не переведены на родной язык подозреваемого (обвиняемого) или на язык уголовного судопроизводства, не вручены копии процессуальных документов, переведенные на родной язык обвиняемого; следователь не обеспечил участие переводчика в следственных и процессуальных действиях с участием подозреваемого (обвиняемого); следователь предоставил ненадлежащих лиц в качестве переводчиков; отсутствуют и не приобщены к уголовному делу документы, подтверждающие, что переводчик действительно владеет русским языком и родным языком подозреваемого или обвиняе-

мого; следователем неправильно процессуально оформлено участие переводчика.

Выделенные нарушения в механизме реализации принципа языка уголовного судопроизводства не существуют изолированно друг от друга, во многом обусловлены однотипными факторами. Именно поэтому должностные лица, осуществляющие производство по уголовному делу, должны владеть надлежащим процессуальными и тактическим инструментарием, который позволял бы им эффективно определять критерии невладения или недостаточного владения русским языком подозреваемым или обвиняемым и не допускать существенных нарушений положений ст. 18 УПК РФ.

В первую очередь следователь и дознаватель должны опираться на решение Конституционного Суда РФ от 20.06.2006 № 243-О, в котором он указал, что необходимость обеспечения обвиняемому права на пользование родным языком в условиях ведения судопроизводства на русском языке не исключает того, что органы предвари-

тельного расследования, прокурор, суд своими мотивированными решениями вправе отклонить ходатайство об обеспечении тому или иному участнику судопроизводства помощи переводчика, если материалами дела будет подтверждаться, что такое ходатайство явилось результатом злоупотребления правом. Также необходимо учитывать Определение Ленинградского областного суда от 13.05.2010 № 22–896/2010 который разъяснил, что гражданство иностранного государства не влечет за собой обязательное назначение переводчика, если лицо в достаточной мере владеет языком, на котором ведется судопроизводство, а отсутствие полного среднего образования у обвиняемого не свидетельствует о том, что он не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке.

Во-вторых, в материалах уголовного дела должны найти свое отражение достаточные данные о владении подозреваемым и обвиняемым языком уголовного судопроизводства Российской Федерации.

Литература:

1. Гриненко, А. В. Конституционные гарантии прав и законных интересов участников досудебного производства по уголовному делу // Адвокатская практика. 2002. № 1. С. 38–43.
2. Гриненко, А. В. Система принципов и цель производства по уголовному делу // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2000. № 6 (233). С. 179–192.
3. Гриненко, А. В. Система принципов уголовного судопроизводства // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2007. № 2. С. 64–68.
4. Макеева, Н. В. Меры безопасности: правовые основы применения в отношении участников уголовного судопроизводства. Монография. — Калининград, 2008. — 188 с.
5. Макеева, Н. В. Специалист на досудебных стадиях уголовного процесса Лекция / Калининград, 2003.
6. Иванов, Д. А. Допрос представителя юридического лица, потерпевшего от преступления // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2007. № 1–1. С. 89–91.
7. Хмелев, С. А. Особенности расследования преступлений, совершаемых в отношении иностранных граждан: Дисс... к.ю.н. 12.00.09. Волгоград, 2000.
8. Постановление Президиума суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 29 сентября 2010 года [Электронный ресурс] // <https://rospravosudie.com/court-sud-yamalo-nenetskogo-avtonomnogo-okruga-yamalo-nenetskiy-avtonomnyj-okrug-s/act-103831377/> (дата обращения: 10.03.2015).
9. Данные аналитических справок о причинах возвращения уголовных дел прокурорами и судами в порядке ст. 237 УПК РФ для дополнительного расследования в следственные подразделения ГУ МВД России по г. Москве за 2005–2015 годы.

К вопросу о задержании лица по подозрению в совершении преступления на стадии возбуждения уголовного дела

Самолаева Евгения Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя

В статье рассмотрены некоторые подходы понимания сущности уголовно-процессуального задержания подозреваемого на этапе возбуждения уголовного дела, его правовая регламентация и реализация данных норм на практике.

Ключевые слова: задержание подозреваемого, возбуждение уголовного дела, момент фактического задержания.

Практика реализации положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации выявила ряд проблем, большинство из которых связаны с позиции практиков с непониманием сути отдельных норм, нечеткостью механизма их реализации, не восприятием некоторых предписаний, как части системы норм уголовно-процессуального законодательства.

Несмотря на многолетние обсуждения, не находят своего разрешения ряд вопросов, в частности, касающиеся отсутствия в УПК РФ четкой регламентации требований к условиям применения статьи 91 УПК РФ и возможности или недопустимости производства задержания подозреваемого до возбуждения уголовного дела [2, с. 74].

Основная позиция по данному вопросу сводится к утверждению, что задержание возможно только при наличии постановления о возбуждении уголовного дела.

Недопустимость задержания до возбуждения уголовного дела следует из анализа норм УПК РФ, а также на той позиции, что при наличии оснований для задержания, не могут отсутствовать основания для возбуждения уголовного дела и уголовно-процессуальному задержанию должно предшествовать возбуждение уголовного дела.

В то же время, в научной сфере отмечается неоднозначная трактовка регламентированного УПК РФ порядка задержания, недостаточное понимание его сути. Оно смешивается с действиями, связанными с проверкой документов сотрудниками полиции, доставлением в орган внутренних дел. Не всегда четко понимается на практике момент уголовно-процессуального задержания для определения его законного применения.

Не ясно практикам содержание «момента фактического задержания». Понимается он неоднозначно. Пункт 15 статьи 5 УПК РФ, определяющий его как момент «фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления» также не имеет единого подхода.

Можно выделить три основных момента при задержании подозреваемого: момент, с которого исчисляется задержание (фактический захват лица, подозреваемого в совершении преступления), момент доставления в орган дознания или к следователю и момент, с которого задержание к лицу фактически применяется (момент составления протокола задержания).

На практике первый момент находит свое отражение, в частности, в рапорте сотрудника полиции, производившего задержание лица, совершившего преступление, в котором не всегда отражаются реальное время ограничения свободы передвижения лица. Со вторым моментом связан вопрос фиксации времени доставления в орган дознания или к следователю, по истечении трех часов после которых должен быть составлен протокол задержания (ч. 1 ст. 92 УПК РФ). То есть момент доставления в орган дознания и следователю фактически никак в материалах уголовного дела не отражается. Протокол задержания не содержит соответствующих граф, а УПК РФ не указывает на необходимость его отображения. Однако этот во-

прос требует осмысления и урегулирования, поскольку затрагивает как права задержанного лица, так и является точкой отсчета времени для составления протокола задержания доставленного лица. Одним из подходов в решении данной проблемы на практике является отражение всех трех «моментов задержания» в протоколе задержания («захвата», «доставления», составления протокола). Тем не менее, данный факт и его время должны быть зафиксированы документально, например, рапортом следователя (дознателя) о времени доставления задержанного лица.

Основываясь на вышеизложенном, возникают предположения, что ситуация, когда лицо задерживается на улице в момент или после совершения преступления, может рассматриваться как часть процессуального задержания, является «фактическим задержанием» и, по сути, производится до возбуждения уголовного дела, но не протоколируется. При этом важно отметить, что до возбуждения не может быть составлен протокол задержания, но сами нормы статьи 91 УПК РФ применены могут в части касающейся фактического задержания лица.

Верховный Суд РФ признает законным задержание подозреваемого в совершении преступления в порядке ст. ст. 91 и 92 УПК РФ, которое было осуществлено до возбуждения уголовного дела, указывая в Определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 2 февраля 2004 г. N44-о04-3, что при наличии предусмотренных законом оснований задержание подозреваемого не должно ставиться в зависимость от возбуждения против него уголовного дела.

Однозначно будет незаконным такое задержание, которое осуществляется в административном порядке при очевидном совершении лицом уголовно наказуемого деяния [2, с. 28]. При задержании лица не должны допускаться нарушения ни этой процедуры, ни установленных законом прав задержанного. В случае если нарушения требований норм УПК РФ все-таки будут допущены, то в зависимости их характера этих нарушений необходимо решать вопрос об освобождении задержанного лица или об исправлении нарушений и избрании в отношении него меры пресечения [3, с. 41].

Поскольку задержанное лицо должно обладать всеми правами подозреваемого с момента задержания (согласно положениям, п. 2 ч. 1 ст. 46 УПК РФ), то основываясь на вышеизложенном, можно предположить, что и статус подозреваемого может приобретаться до возбуждения уголовного дела (при «фактическом задержании» на месте преступления или сразу после него). Применение норм главы 12 до возбуждения уголовного дела также имеют место на практике [4, с. 320].

В этой связи, для обеспечения прав задержанных таким образом лиц по подозрению в совершении преступления, следует наделять статусом подозреваемого для обеспечения их прав и внести соответствующие изменения в статью 46 УПК РФ, в части определения подозреваемого, наделив его данным статусом еще до возбуждения уголовного дела. Таким образом, подозреваемый

сможет реализовывать свои права с момента его «фактического задержания» в полном объеме. Если же законодатель придерживается твердой позиции, что задержание должно быть произведено, а подозреваемое лицо приоб-

ретает соответствующий статус исключительно только после возбуждения уголовного дела, необходимо нести соответствующую четкую уточняющую характеристику в закон.

Литература:

1. Артемова, В. В., Самолаева Е. Ю. Задержание лица по подозрению в совершении преступления в условиях формирования современного законодательства // Вестник Московского государственного областного ун-та. Серия Юриспруденция. 2016. № 3. — С. 73–81.
2. Анисимова, Н. В. Проблемные моменты участия несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве // Миграционное право. 2014. № 3. — С. 27–29.
3. Галкина, У. В. Проблема возмещения убытков правообладателей средств индивидуализации // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 6. С. 36–41.
4. Самолаева, Е. Ю. Некоторые особенности расследования преступлений против здоровья, подследственным следователям органов внутренних дел // Сборник по материалам V Всероссийской конференции: Право и государство, общество и личность: история, теория, практика. 2015. С. 320–327.

Наложение ареста на имущество в целях обеспечения компенсации морального вреда, причиненного преступлением

Соколова Марина Владимировна, адъюнкт
Московский Университет МВД России имени В. Я. Кикотя

В статье исследуются актуальные и практически значимые проблемы наложения ареста на имущества в целях обеспечения компенсации морального вреда, причиненного преступлением.

Ключевые слова: наложение ареста на имущество, моральный вред, компенсация вреда.

Соответствуя положениям ст. 52 Конституции Российской Федерации в части реализации государственных обязательств по обеспечению потерпевшим ущерба, причиненного преступлением, применение наложения ареста на имущество, как меры уголовно-процессуального принуждения, направлено на реализацию назначения уголовного судопроизводства в части защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ).

С учетом указанного обстоятельства и, принимая во внимание, что одним из способов защиты прав потерпевшего, заявившего гражданский иск, является рассмотрение вопроса о возмещении причиненного вреда одновременно с разрешением уголовного дела, должностные лица органов предварительного расследования обязаны принять все предусмотренные законом меры как к обнаружению подлежащего аресту имущества, так и к наложению на него ареста [6, с. 191].

Наиболее проблематичным вопросом является наложение ареста на имущество в целях обеспечения компенсации морального вреда, причиненного преступлением. В настоящее время необходимость компенсации морального вреда именно в денежной форме закреплена в ряде законов. Так ст. 151 ГК РФ устанавливает, что

если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права, либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда; параграф 4 главы 59 ГК РФ («Компенсация морального вреда») включает в себя ст.ст. 1099–1101, посвященные общим положениям, основаниям, способу и размеру компенсации морального вреда. В уголовном процессе компенсации морального вреда также уделено достаточное внимание. Согласно ч. 1 ст. 44 УПК РФ, «гражданский истец может предъявить гражданский иск и для имущественной компенсации морального вреда», также в ч. 4 ст. 42 УПК РФ говорится о том, что «по иску потерпевшего о возмещении в денежном выражении причиненного ему морального вреда размер возмещения определяется судом при рассмотрении уголовного дела или в порядке гражданского судопроизводства».

Однако требования о компенсации морального вреда практически не встречаются в стадии предварительного расследования. Как пишет Г. В. Мытник, «это объясняется тем, что следователи разъясняют потерпевшим,

что такие требования они вправе предъявить в последующих стадиях, а размер компенсации законом не урегулирован» [2, с. 75].

В литературе встречается точка зрения о недопустимости наложения ареста на имущество при причинении морального вреда [5, с. 10]. Однако поскольку в уголовном процессе существует возможность рассмотрения гражданского иска о компенсации морального вреда, мера процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество, несомненно должна применяться. Но при этом так и остался неразрешенным вопрос: на какую сумму следует налагать арест, принимая во внимание, что она не должна превышать размер заявленного иска?

Отсутствие в законе каких-либо критериев оценки морального вреда существенно осложняет как определение денежной компенсации судом, так и ее обеспечение на предшествующих стадиях. Нормы как Гражданского, так и Уголовно-процессуального кодексов ограничиваются в этом вопросе лишь общими положениями. Так, согласно ч. 2 ст. 1101 ГК РФ, размер компенсации морального вреда определяется судом в зависимости от характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, а также степени вины причинителя вреда в случаях, когда вина является основанием возмещения вреда.

Неудивительно, что размер морального вреда каждый потерпевший определяет для себя сам, часто совершенно необоснованно называя огромные суммы, не учитывая при этом требования разумности и справедливости (о чем говорит ч. 2 ст. 1101 ГК РФ). Если орган, ведущий уголовный процесс, будет налагать арест в соответствии с такими суммами, это существенно и безосновательно ущемит права подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия.

А. Ничипорович пишет, что «в исковом заявлении указание денежной компенсации морального вреда не обязательно» [3, с. 15]. В то же время, не зная суммы иска, не представляется возможным его обеспечить.

Выходом из сложившейся ситуации является нахождение единого «прейскуранта», определяющего денежное выражение возмещения морального вреда, причиненного преступлением. Так, А. М. Эрделевский предлагает установить средний размер денежной компенсации за причиненный моральный вред, отталкиваясь от вреда и меры наказания по каждому составу преступления [7, с. 18]. Наиболее полно рассматриваемую проблему решил, на наш взгляд Р. М. Пыталев, который представляет шкалу размеров морального вреда в виде таблицы, предусматривающей несколько уровней компенсации морального вреда исходя из: степени психотравмирующего воздействия; степени преступного деяния; степени психической травмы; последствий психической травмы. В соответствии с указанной таблицей, денежное выражение компенсации морального вреда колеблется от одной до тридцати шести средних заработных плат [4, с. 17].

Автор приходит к выводу о необходимости законодательно закрепить соответствующую шкалу исчисления размеров компенсации морального вреда. В противном случае мера процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество не будет в полной степени соответствовать своим целям. Мы полностью поддерживаем П. В. Мытника в том, что пока подобные рамки не будут введены, такие иски будут редкостью на стадии предварительного расследования, а попытки их обеспечения не смогут надлежащим образом защитить права как потерпевших, так и подозреваемых, обвиняемых и лиц, несущих материальную ответственность за их действия [2, с. 82].

Литература:

1. Галкина, У. В. Требование выплаты компенсации как способ защиты интеллектуальных прав // В сборнике: Четвертый Пермский международный конгресс ученых-юристов 20 лет Конституции Российской Федерации. 2013. С. 94–95.
2. Мытник, П. В. Потерпевший в досудебных стадиях уголовного процесса: Дис. ...канд.юрид. наук: 12.00.09. — Минск, 2001.
3. Ничипорович, А. Применение законодательства о возмещении вреда, причиненного преступлением // Суд. весн. — 1995. — № 2. — С. 13–16.
4. Пыталев, Р. М. Теоретические и прикладные проблемы гражданского иска в уголовном процессе // Юрист. — 202. — № 11(18). — С. 17–20
5. Резник, Г. Неимущественный иск не подлежит обеспечению имущественным арестом // Рос. юстиция. — 1994. — № 6. — С. 10–11.
6. Шадрин, В. С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. — М.: Юрлитинформ, 2000. — 232 с.
7. Эрделевский, А. М. О размере возмещения морального вреда // Российская юстиция. — 1994. — № 10. — С. 18–19.

Исключение недопустимых доказательств прокурором

Титовец Ирина Витальевна, преподаватель
Московский Университет МВД России имени В. Я. Кикотя

В статье рассматривается деятельность прокурора по исключению недопустимых доказательств в ходе досудебного производства по уголовному делу.

Ключевые слова: прокурор, недопустимые доказательства, надзор, возвращение уголовного дела.

Прокурору, осуществляющему надзор за процессуальной деятельностью органов расследования, отводится особая процессуальная роль в выявлении и исключении доказательств, полученных с нарушением закона (недопустимых доказательств), определение которых дано в ст. 75 УПК РФ (далее — УПК).

Полномочия прокурора при осуществлении возложенных на него функций по осуществлению надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного расследования изложены в ст. 37 УПК. Конкретизация этих полномочий находит отражение в Федеральном законе Российской Федерации «О прокуратуре Российской Федерации» [1], в частности главе 3 «Надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие» и приказах Генерального прокурора Российской Федерации [2, с. 49].

Прокурор в соответствии с ч. 3 ст. 88 УПК вправе признать доказательство недопустимым как по ходатайству подозреваемого (обвиняемого), так и по собственной инициативе или иначе по собственному усмотрению, которое следует понимать как решение о целесообразности применения закона (ч. 2 ст. 75, ч. 2, ч. 3 ст. 88 УПК).

В ходе досудебного производства по уголовному делу прокурор может инициировать деятельность по исключению недопустимых доказательств в связи с: 1) рассмотрением материалов проверок сообщений о преступлениях, в ходе которых проводились разрешенные до возбуждения уголовного дела следственные действия (ч. 1 ст. 144 УПК); 2) проверкой законности и обоснованности возбуждения уголовного дела; 3) проверкой законности и обоснованности задержания лица в порядке ст. 91 УПК; 4) рассмотрением жалоб участников уголовного судопроизводства в порядке ст. 124 УПК; 5) участием в судебном заседании по рассмотрению ходатайств следователей, дознавателей о проведении следственных действий, требующих судебного решения в соответствии с ч. 2 ст. 29 УПК; 6) проверкой законности и обоснованности прекращения уголовного дела (уголовного преследования), а также приостановления предварительного следствия; 7) вынесением представлений об устранении нарушений уголовно-процессуального законодательства; 8) рассмотрением поступившего от следователя уголовного дела в порядке ст. 221 УПК; 9) рассмотрением поступившего от дознавателя уголовного дела с обвинительным актом в порядке ст. 226 УПК РФ и обвинительным постановлением в порядке ст. 226.8 УПК РФ.

Причем, как показывают проведенные автором исследования, решения о возвращении уголовного дела и исключении доказательств, как правило, принимаются одновременно. Так, заместитель Мещанского межрайонного прокурора г. Москвы Цабрия Д.Т. по уголовному делу № 330709 по обвинению Б. в совершении преступления, предусмотренного ст. 162 ч. 1 УК РФ, поступившему для утверждения обвинительного заключения, своим постановлением признал недопустимыми доказательствами: протокол допроса подозреваемого Б., протокол очной ставки между подозреваемым Б. и потерпевшей М. в связи с тем, что подозреваемому при производстве данных следственных действий не был предоставлен переводчик, а русским языком он не владеет. В тот же день уголовное дело возвращено следователю для производства дополнительного расследования.

Современная уголовно-процессуальная действительность оставляет за прокурором право в полном объеме осуществлять надзор за расследованием преступлений в форме дознания. Прокурор, как участник уголовного судопроизводства со стороны обвинения, осуществляя надзорные функции уполномочен давать письменные указания дознавателю, обязательные для исполнения, в том, числе, по мнению автора и о признании доказательств недопустимыми по конкретным уголовным делам.

В связи с изложенным предлагается конкретизировать данное полномочие прокурора путем внесения дополнений в п. 4 ч. 2 ст. 37 УПК РФ.

Непосредственно механизм реализации процессуальных полномочий прокурора по исключению недопустимых доказательств регламентируется приказами Генерального прокурора России. Так, пункт 22 приказа Генерального прокурора № 137 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» [3] обязывает прокуроров, выявив недопустимые доказательства, выносить мотивированное постановление об их исключении.

Аналогичная норма содержится и в п. 1.15 приказа № 162 Генерального прокурора России «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» [4] о вынесении мотивированного постановления о признании недопустимыми доказательств, полученных с нарушением норм уголовно-процессуального законодательства. Несмотря на различную трактовку «исключение» и «признание»,

автор полагает, что речь идет об одной и той же деятельности прокурора.

С учетом отмеченного, предлагается конкретизировать полномочия прокурора по исключению недопустимых доказательств путем внесения соответствующих дополнений в п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ.

В исследовании, проведенном К. А. Таболиной, отмечается, что количество признанных прокурорами недопустимыми доказательств по уголовным делам, расследо-

ванным следственными органами, возросло втрое (с 1007 постановлений прокуроров о признании недопустимыми доказательств по уголовным делам, расследованным в форме предварительного следствия, в 2008 году до 3027 постановлений в 2014 году) [5, с. 3].

Таким образом, можно сделать вывод, что прокуроры используют предусмотренное законом процессуальное право по исключению недопустимых доказательств в ходе досудебного производства по уголовному делу.

Литература:

1. Федеральный закон от 17.01.1992 N2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Российская газета. N229. 25.11.1995.
2. Макеева, Н. В. Меры безопасности: правовые основы применения в отношении участников уголовного судопроизводства. Калининград, 2008.
3. Таболина, К. А. Надзор прокурора за возбуждением и расследованием уголовных дел: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2016.
4. Приказ Генерального прокурора РФ от 06.09.2007 г. № 137 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» (ред. 28.12.2007) // Законность. N11. 2007.
5. Приказ Генерального прокурора РФ от 02.06.2011 г. № 162 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» // Законность. № 11. 2011.

Деятельность следователя по привлечению лица в качестве обвиняемого

Угольников Александр Викторович, преподаватель
Московский Университет МВД России имени В. Я. Кикотя

В статье раскрываются актуальные вопросы деятельности следователя на этапе по привлечению лица в качестве обвиняемого. Исследуются проблемы поиска наиболее рациональных форм осуществления следователем своих полномочий в процессе привлечения лица в качестве обвиняемого.

Ключевые слова: законодательные дефиниции, обвиняемый, следователь, возбуждение уголовного дела, расследование.

Несмотря на непрерывные попытки реформирования деятельности правоохранительных органов, в том числе и органов предварительного следствия, следует признать, что их деятельность, сегодня зачастую остается не идеальной. Это связано сразу с несколькими факторами: во-первых, законодательство, регламентирующее деятельность следователей отличается несовершенством; во-вторых, система взаимоотношений следователя и обвиняемого во многом заимствовала обвинительный уклон советского права, что, отчасти, нарушает основные принципы Российского права.

Досудебное производство характеризуется широким применением мер государственного принуждения и вторжением в сферу частной жизни, нарушением неприкосновенности личности. Данная ситуация является потенциально опасной с позиций законности и обоснованности действий государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность.

Особая роль следователя, как лица, осуществляющего предварительное расследование, усиливается в то время, когда уже имеется реальное лицо, которое следователь привлекает в качестве обвиняемого. Учитывая это, особую актуальность приобретает целый комплекс вопросов, связанных с реформированием уголовного процесса, поиском наиболее рациональных форм осуществления следователем своих полномочий в процессе привлечения лица в качестве обвиняемого.

Целью деятельности правоохранительных органов, безусловно, являются защита и охрана прав и свобод человека и гражданина [5, с. 129–133]. При этом, спецификой их деятельности является то, что лица, осуществляющие расследование преступлений, наделены властными полномочиями, в том числе, и по ограничению законных прав определенных лиц.

В рамках деятельности следователя особый объем полномочий проявляется в ходе привлечения лица в качестве обвиняемого. Таким образом, у следователя воз-

никает, с одной стороны, обязанность по проведению ряда процессуальных действий, предписанных законом, а, с другой, необходимость как можно меньше ограничить права лица, в отношении которого составлено обвинительное заключение.

В связи с изложенным, следователь должен обладать высоким уровнем правовой грамотности и определенными моральными качествами.

В ходе исследования было установлено, что среди следователей до настоящего времени существуют определенные трудности при определении категориального аппарата, в частности, относительного такого понятия как «обвинение», под которым зачастую понимают и акт привлечения лица в качестве обвиняемого, и саму деятельность следователя.

Это обуславливается, в том числе, и отсутствием точных законодательных дефиниций, и дискуссиями среди ученых-процессуалистов.

В связи с изложенным, можно сделать вывод, что обвинение имеет своим содержанием формулирование выводов фактического и правового характера на основе полученных доказательств путем мыслительной оценочной деятельности и закрепление этих выводов в соответствующем акте-решении. Процессуальная форма деятельности, направленной на формирование обвинения, носит сложный характер и включает в себя в качестве составных частей форму всех осуществляемых в ходе ее следственных и процессуальных действий. Кроме того, существуют проблемные моменты по осуществлению следователем отдельных процессуальных действий в ходе привлечения лица в качестве обвиняемого.

Так, особое внимание было уделено осуществлению следователем допроса, можно отметить такое обстоятельство, как согласно ч. 1 ст. 173 УПК РФ, следователь допрашивает обвиняемого немедленно после предъявления ему обвинения. Это вызывает сложности, во-первых, потому, что и сам следователь после предъявления обвинения уже физически и морально, а также интеллектуально оказывается не готов к данному действию, во-вторых, в ряде случаев обвиняемый и его защитник оказываются не готовы сразу же выразить свою позицию по делу. В результате зачастую происходит ситуация, когда сторона защиты просит следователя отложить такой допрос, ссылаясь на право обвиняемого иметь достаточное время и возможность для подготовки к защите (ч. 3 ст. 47 УПК РФ). При этом уже сам следователь попадает в затруднительное положение. Таким образом, представляется целесообразным уточнить указанную законодательную норму, предоставив следователю возможность проводить допрос как минимум в течение суток с момента предъявления обвинительного заключения.

В заключение необходимо отметить, что особенности правового положения обвиняемого и его защиты таковы, что они являются более слабой стороной относительно следователя. Подобного рода ситуация порождает повышенную ответственность лица, осуществляющего предварительное следствие. Представляется, что следователь при сборе доказательств, их оценке должен исходить не только из того, чтобы доказать вину лица, но и исследовать иные обстоятельства, которые указывают на его виновность.

Литература:

1. Арестова, Е. Н. Предварительное следствие / Учебник для курсантов и слушателей образовательных учреждений высшего профессионального образования МВД России по специальности «Юриспруденция» / под редакцией М. В. Мешкова. Москва, 2012.
2. Корнелюк, В. С. Расследование хищений чужого имущества: учебное пособие. — Волгоград, 2001.
3. Пушкарев, В. В. Реализация принципа состязательности на досудебных стадиях уголовного процесса // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 2 (25). С. 126–132.
4. Пушкарев, В. В. Толкование функции уголовного преследования (обвинения) в решениях Европейского Суда по правам человека, Европейской комиссии по правам человека, Конституционного суда Российской Федерации как предпосылка ее нормативного выражения в процессуальном статусе следователя // Международное уголовное право и международная юстиция. 2016. № 4. С. 15–17.
5. Угольников, А. В., Угольникова Н. В. Роль допросов в выявлении обстоятельств, способствовавших совершению преступления // Закон и право. 2015. № 7. С. 129–133.
6. Иванов, Д. А. Допрос представителя юридического лица, потерпевшего от преступления // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2007. № 1–1. С. 89–91.
7. Иванов, Д. А. Роль и значение допроса потерпевшего для установления характера и размера вреда, причиненного преступлением в целях его последующего возмещения (компенсации) // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4. С. 70–74.

К вопросу о возмещении вреда, причиненного преступлением, в ходе предварительного расследования

Уханова Надежда Владимировна, кандидат юридических наук, доцент
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя

В статье рассмотрены виды возмещения вреда, причиненного преступлением, а также некоторые проблемы возмещения вреда, которые имеют место на практике при производстве предварительного расследования.

Ключевые слова: потерпевший, возмещение вреда, возвращение похищенного имущества, добровольное возмещение вреда, гражданский иск, наложение ареста на имущество.

Вред, причиненный преступлением, далеко не всегда возмещается даже в случае установления лица, совершившего преступление, и распространенные причины этого — неплатежеспособность обвиняемых, а также неправильное определение суммы ущерба.

Например, по уголовному делу, возбужденному по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 167 УК РФ, не установлена сумма восстановительных работ, что явилось одной из причин возвращения прокурором уголовного дела для дополнительного дознания [7]. По уголовному делу об умышленном причинении средней тяжести вреда здоровью Т. (ч. 1 ст. 112 УК РФ) дознавателем не был рассмотрен вопрос о возмещении ущерба, понесенного территориальным фондом обязательного медицинского страхования Московской области в результате лечения потерпевшего [8].

Анализ материалов уголовных дел, произведенный Е. В. Смирновой, показывает, что в тех ситуациях, когда материальные последствия не оказывают влияния на квалификацию преступления, какие-либо действия по доказыванию причиненного имущественного вреда производятся крайне редко [6, с. 2564].

При расследовании корыстных преступлений против собственности обнаружение и изъятие похищенного имущества способствуют возмещению причиненного преступлением имущественного вреда путем **возвращения похищенной вещи** ее владельцу [4, с. 141]. Например, по данным ГИАЦ МВД России, в течение 9 месяцев 2015 года розыск и изъятие (обыск, выемка) похищенного имущества позволили возместить потерпевшим ущерб в размере 4470 млн рублей, что составляет 34,3% от суммы возмещенного ущерба [2, с. 5].

Однако, согласно ст. 82 УПК РФ, возвращение потерпевшему похищенного у него имущества в полном объеме на стадии предварительного расследования не имеет под собой достаточных законодательных оснований.

Так, на основе анализа ст. 82 УПК РФ можно заключить, что потерпевшему может быть передано на хранение до принятия окончательного решения по делу не все имущество, полученное преступным путем, а лишь перечисленное в пунктах 1, 1¹, 2, 4, 4¹, 5 ч. 1 ст. 82 УПК РФ. На взгляд автора, в ст. 82 УПК РФ целесообразно внести из-

менения, позволяющие возвращать потерпевшему любое имущество, которое изъято из его законного владения в результате преступной деятельности.

В целях возмещения вреда потерпевшему, следователем (дознавателем) должна проводиться целенаправленная работа, способствующая **добровольному возмещению вреда** обвиняемым или подозреваемым. Для этого подозреваемому (обвиняемому) разъясняются положения о смягчающих наказание обстоятельствах, предусмотренных п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ, а также о назначении наказания при наличии указанных смягчающих обстоятельств (ч. 1 ст. 62 УК РФ).

Проблема состоит в том, что уголовно-процессуальным законом добровольное возмещение вреда поощряется не всегда. По уголовному делу, по которому заключено досудебное соглашение, «от обвиняемого не требуется заглаживать вред, причиненный в результате преступления потерпевшему» [5, с. 157—159]. И, поскольку участие потерпевшего в судебном разбирательстве, предусмотренном главой 40.1 УПК РФ, не обязательно, его право на возмещение вреда при заключении по уголовному делу досудебного соглашения о сотрудничестве не учитывается. В связи с этим в научной литературе высказываются мнения по поводу внесения в УПК РФ норм, которые бы обязывали подозреваемого (обвиняемого) при заключении досудебного соглашения возместить потерпевшему вред [4, с. 327—328].

Одна из важных проблем наложения ареста на имущество, применяемого для обеспечения заявленного по уголовному делу **гражданского иска**, заключается в том, что следователь (дознаватель) не всегда располагает объективными сведениями, содержащими полную характеристику имущества, на которое планируется наложить арест. В научной литературе высказано мнение о том, что требование об указании конкретного имущества, подлежащего аресту, в процессуальных документах выполнимо в полной мере только тогда, когда арест налагается на денежные средства, находящиеся на счетах и во вкладах или на хранении в банках и иных кредитных организациях, и ценные бумаги. Наличие другого имущества у подозреваемого, обвиняемого может быть установлено, как правило, лишь приблизительно, осо-

бенно на первоначальном этапе расследования [1, с. 14]. Исходя из позиций практики, с этим мнением трудно не согласиться.

Подводя итог вышеизложенному, можно заключить, что оптимизация деятельности органов предварительного расследования по возмещению вреда, причиненного преступлениями, зависит, прежде всего, от самих органов

расследования, которые в каждом случае расследования преступления должны устанавливать причиненный вред (как потерпевшему, так и иным лицам, например, фонду обязательного медицинского страхования). И лишь во вторую очередь следует отметить необходимость ликвидации недостатков уголовно-процессуального законодательства, о которых сказано выше.

Литература:

1. Булатов, Б. Б., Дежнев А. С. Новеллы законодательного регулирования срока наложения ареста на имущество в уголовном судопроизводстве//Российский следователь. — 2016. — № 1. — С. 12–16.
2. Иванов, Д. А. Значение обыска как средства принудительного изъятия имущества в целях возмещения вреда, причиненного преступлением//Российский следователь. — 2016. — № 4. — С. 3–6.
3. Малиновская, Е. А. Особенности оценки обстоятельств, подлежащих установлению при возмещении потерпевшему материального вреда, причиненного преступлением//Закон и право. — 2014. — № 9. — С. 139–142.
4. Мельников, В. Ю. Обеспечение и защита прав человека при применении мер процессуального принуждения в досудебном производстве Российской Федерации: монография. — М.: Юрлитинформ, 2014.
5. Овчинников, Ю. Г. Возмещение вреда потерпевшему при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве//Библиотека криминалиста. — 2015. — № 5 (16). — С. 156–162.
6. Смирнова, Е. В. Возмещение вреда, причиненного преступлением, в уголовном судопроизводстве России: история и современность//Актуальные проблемы российского права. — 2014. — № 11(48). — С. 2563–2567.
7. Постановление прокурора о возвращении уголовного дела № 19142 для производства дополнительного дознания от 25.0.2015 г., Московская область, г. Щелково.
8. Постановление прокурора о возвращении уголовного дела № 63814 для производства дополнительного дознания от 17.07.2015 г., Московская область, г. Коломна.

Особенности производства дознания с участием несовершеннолетних лиц

Федулова Ирина Игоревна, преподаватель
Московский Университет МВД России имени В. Я. Кикотя

В статье рассматриваются вопросы, связанные с особенностью правового статуса несовершеннолетнего как участника уголовного процесса. Особое внимание уделяется защите законных прав и свобод несовершеннолетних на этапе предварительной проверки сообщения о преступлении.

Ключевые слова: несовершеннолетний, подозреваемый, потерпевший, свидетель, законный представитель, психолог, педагог, защитник, допрос, очная ставка, проверка показаний на месте, обеспечение и соблюдение прав и свобод.

Назначение уголовного судопроизводства, согласно ст. 6 УПК РФ, заключается как в защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления, так и в равной степени в защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав и свобод. Если же перспектива привлечения к уголовной ответственности в силу сложившихся обстоятельств открывается перед несовершеннолетними, то следует вести речь о повышенной степени защиты.

В своей деятельности дознаватели органов внутренних дел, зачастую сталкиваются с расследованием уголовных дел с участием несовершеннолетних, которые могут об-

ладать различным процессуальным статусом и фигурировать в уголовном деле как в качестве подозреваемых, обвиняемых, так и в качестве потерпевших и свидетелей. Основной проблемой при производстве дознания с участием несовершеннолетних лиц является обеспечение и соблюдение законных прав и свобод несовершеннолетнего при производстве расследования по уголовному делу, качественное и своевременное выполнение всех процессуально закрепленных процедур в целях исключения нарушения со стороны дознавателя указанных прав. Поэтому деятельность органа дознания по уголовным делам в отношении несовершеннолетних должна осущест-

вляться таким образом, чтобы, с одной стороны, решать задачи предупреждения совершения подростками преступлений и содействовать их исправлению и воспитанию, а с другой стороны, надежно обеспечивать права и законные интересы данной категории граждан.

Порядок производства дознания по уголовному делу с участием несовершеннолетнего с одной стороны определен спецификой возрастных и психологических особенностей этих лиц, а с другой расширенным предметом доказывания по уголовным делам, требующим обязательного установления дополнительных обстоятельств. Привлечение большого количества дополнительных участников, в лице законных представителей несовершеннолетнего, педагога, психолога, защитника вызывает определенные сложности в процессе расследования по уголовному делу. Учитывая сложность и особенность производства расследования уголовных дел с участием несовершеннолетних, существует необходимость привлекать в качестве дознавателя высокопрофессиональных людей имеющих специальные навыки и знания.

В 2015 году в УПК РФ внесены существенные изменения, которые предусматривают изменение порядка производства отдельных следственных действий, таких как допрос, очная ставка, опознание и проверка показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля, не достигшего возраста шестнадцати лет, либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетнего участие. Согласно внесенным изменениям участие психолога при производстве вышеуказанных следственных действиях обязательно, а при участии несовершеннолетнего, достигшего возраста шестнадцати лет, педагог или психолог приглашается по усмотрению дознавателя. На наш взгляд участие, в перечисленных следственных действиях, проводимых с участием несовершеннолетнего, педагога должно быть обязательным, без разграничения по возрастным группам.

Литература:

1. Анисимова, Н. В. Проблемные моменты участия несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве // Миграционное право. 2014. № 3. С. 27–29.
2. Бородкина, Т. Н. К вопросу о привлечении специалиста-педагога при производстве следственных действий с участием потерпевших по уголовным делам // В сборнике: Проблемы досудебного производства по УПК Российской Федерации сборник статей по материалам межведомственной научно-практической конференции. 2015. С. 37–42.
3. Вершинин, А. Г. Особенности правового регулирования следственных действий с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля (с учетом изменений УПК, вступающих в силу 01.01.2015 г.). Процессуальный и криминалистический аспекты // Молодой ученый. 2014. Выпуск № 21. С. 504–506.
4. Домовец, С. С., Синкевич В. В. О несовершенстве уголовно-процессуального законодательства об участии несовершеннолетних в отдельных следственных действиях. Современные проблемы науки и образования. Выпуск № 1. 2015 г.: с. 1899.
5. Федулова, И. И. О пределах компетенции дознавателя ОВД // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 3. С. 167–170.

Кроме того, с учетом психофизических особенностей несовершеннолетних потерпевшего или свидетеля подразделены в разные возрастные группы: не достигшие 7 лет, от 7 до 14 лет, старше 14 лет. Причина такой градации совершенно обоснована, т.к. данные следственные действия требуют значительных эмоциональных затрат, данная стрессовая ситуация заставляет вспоминать неприятные обстоятельства и напрягать память. С такой ситуацией не всегда может справиться взрослый, не говоря уже о несовершеннолетнем, тем более малолетнем [4, с. 1899]. Предусматривается обязательное применение видеозаписи или киносъемки при производстве указанных следственных действий, в случае если несовершеннолетние потерпевший и (или) свидетель, а также их законные представители не возражают против этого. Материалы видеозаписи или киносъемки хранятся при уголовном деле. Данная норма подчеркивает важность повышенной защиты и соблюдения прав и свобод несовершеннолетнего при производстве следственных действий и в большей части исключает факты давления на несовершеннолетнего со стороны дознавателей и изменение показаний данных участников на этапе окончания дознания или судебного разбирательства. Остаются без внимания и вопросы, связанные с участием педагога или психолога, законного представителя и адвоката, а также с ограничением максимальной продолжительности при производстве освидетельствования, следственного эксперимента или получения образцов для сравнительного исследования, где участие несовершеннолетних возможно, как в качестве потерпевшего, так и в качестве свидетеля [3, с. 507].

Основываясь на вышеизложенном считаем необходимым внести соответствующие изменения в УПК РФ, касающиеся участия законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого, потерпевшего, свидетеля на стадии возбуждения уголовного дела при получении объяснения у указанных лиц, а так же при проведении следственных действий, допустимых до возбуждения уголовного дела, таких как: освидетельствование, следственный осмотр, а также процессуальных действий.

Актуальные вопросы соблюдения процессуальных прав иностранных граждан, подозреваемых в совершении преступления

Хмелев Сергей Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя

В статье рассматриваются актуальные вопросы порядка защиты процессуальных прав иноязычных субъектов, в частности иностранных граждан. Автором предлагается разрешение проблемы, связанной с нарушением прав иностранных граждан, не владеющих русским языком, а также актуальная редакция ч. 1 ст. 96 УПК РФ.

Ключевые слова: предварительное расследование, задержание, язык судопроизводства, переводчик, иностранный гражданин.

По официальным данным МВД России, иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории нашего государства за период с января по декабрь 2015 года совершено 46,4 тыс. преступлений, что на 4,4% больше, чем за январь — декабрь 2014 года. В том числе гражданами государств-участников СНГ — 40,3 тыс. преступлений (+4,9%), их удельный вес составил 86,9% [3].

При расследовании преступлений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства, при наличии одного из оснований, указанных в ч. 1 ст. 91 УПК РФ у следователя, дознавателя, органа дознания появляется однозначный мотив их задержания, связанный с отсутствием постоянного места жительства на территории Российской Федерации.

В юридической литературе имеются позиции, когда авторы отдельно выделяют задержание гражданина или подданного другого государства, как подвид задержания подозреваемого, ссылаясь при этом на положения ч. 3 ст. 96 УПК РФ [2, с. 40, с. 777]. С данной представленной дефиницией стоит согласиться.

В настоящее время особое значение приобретает активизация процесса получения доказательств, в том числе и по уголовным делам, в которых фигурируют иноязычные субъекты, то есть граждане, не владеющие государственным языком судопроизводства. В частности, в ст. 18 УПК РФ предусмотрен один из принципов российского уголовного процесса о языке уголовного судопроизводства.

В правовом демократическом государстве вопросы возможности реализации гражданами своих прав относятся к числу первоочередных, поэтому насколько полно будет обеспечена реализация принципа языка судопроизводства, можно будет говорить и о защищенности лиц не владеющих этим языком.

Случаи противоправного ограничения принципа языка встречаются, как в следственно-судебной практике, так и в самом уголовно-процессуальном законодательстве. Одной из причин таких нарушений являются противоправные посяательства со стороны лиц, заинтересованных в принятии незаконных решений по делу. В связи с этим остро встает вопрос недостаточной защищенности

участников уголовного процесса, в частности не владеющих языком судопроизводства.

Однако, наряду с данными существующими проблемами, Федеральным законом от 30 декабря 2015 года № 437 — ФЗ в ч. 1 ст. 96 УПК РФ внесены изменения, позволяющие «подозреваемому в кратчайший срок, но не позднее 3 часов с момента его доставления в орган дознания или к следователю сделать один телефонный звонок на русском языке в присутствии дознавателя, следователя в целях уведомления близких родственников, родственников или близких лиц о своем задержании и месте нахождения. В случае отказа подозреваемого от права на телефонный разговор или невозможности в силу физических или психических недостатков самостоятельно осуществлять указанное право, такое уведомление делается дознавателем, следователем, о чем делается отметка в протоколе задержания».

Кстати, данное положение было установлено ранее в ч. 7 ст. 14 Федерального закона «О полиции» от 07 февраля 2011 года № 3 — ФЗ. Однако в данном законе не было акцентировано внимание на каком языке должно происходить уведомление.

В этой связи, исследуя указанную новеллу уголовно-процессуального законодательства хочется отметить, что в данном случае, законодатель руководствовался теми обстоятельствами, что иноязычный подозреваемый, пользуясь незнанием следователем или дознавателем языка, на котором он будет общаться, может сообщить не только правомерные сведения о своем задержании, но и сведения, которые нарушат требования закона о неразглашении тайны предварительного расследования. Кроме того, он также может уведомить соучастников преступления или родственников, знакомых, которые могут скрыть или уничтожить доказательства по уголовному делу.

Однако при этом законодателем не было учтено, что в данном случае нарушается один из важнейших принципов уголовного процесса предусмотренный ст. 18 УПК РФ о языке уголовного судопроизводства, согласно которому участникам уголовного судопроизводства, не владеющим или недостаточно владеющим языком, на котором ведется производство по уголовному делу, должно быть разъяснено и обеспечено право делать заявления, да-

вать объяснения и показания на родном языке или другом языке, которым они владеют, а также бесплатно пользоваться помощью переводчика в порядке, установленном законом.

Как показывает следственная практика таковой возможности в течение 3 часов пригласить переводчика у следователей и дознавателей нет. Это возможно сделать, но не в столь короткое время, например в Москве или Санкт-Петербурге, а также в некоторых столицах регионов России. В настоящее время, Государственной Думой РФ обсуждается проект закона о присяжных переводчиках (судебных переводчиках). Возможно, после принятия данного закона проблемы участия переводчика, как в досудебном, так и в судебном разбирательстве частично отпадут.

Таким образом, в заключение хочется сказать, что данное нововведение о предоставлении права подозрева-

емому телефонного уведомления на русском языке нарушает права подозреваемых в совершении преступления не только иностранцев, но и граждан России, которые в силу тех или иных причин, не владеют русским языком и таким образом лишаются законного права сделать один телефонный звонок при задержании.

В этой связи хотелось бы сделать вывод, что для устранения конфликтности норм уголовно-процессуального кодекса, в частности ст. 96 и ст. 18 УПК РФ, в целях соблюдения прав иноязычных субъектов, не владеющих русским языком, после первого предложения в ч. 1 ст. 96 УПК РФ, по нашему мнению, следует внести дополнение в следующей редакции «В случае не владения подозреваемым русским языком, дознавателем, следователем принимаются меры по предоставлению переводчика для осуществления данного права».

Литература:

1. Арестова, Е. Н. Предварительное следствие / Учебник для курсантов и слушателей образовательных учреждений высшего профессионального образования МВД России по специальности «Юриспруденция» / под редакцией М. В. Мешкова. Москва, 2012.
2. Куликов, А. В., Чобанов Г. А. Виды задержания по УПК РФ и уголовная ответственность за незаконное задержание. Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. № 2. 2012. С. 40.
3. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации — mvd.ru. (дата обращения 01.11.2016).
4. Угольников, А. В., Угольникова Н. В. Роль допросов в выявлении обстоятельств, способствовавших совершению преступления // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 10. С. 233–237.

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

Международный научный журнал
Выходит еженедельно

№ 25.1 (129.1) / 2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметов И. Г.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М. Н.
Иванова Ю. В.
Каленский А. В.
Куташов В. А.
Лактионов К. С.
Сараева Н. М.
Абдрасилов Т. К.
Авдеюк О. А.
Айдаров О. Т.
Алиева Т. И.
Ахметова В. В.
Брезгин В. С.
Данилов О. Е.
Дёмин А. В.
Дядюн К. В.
Желнова К. В.
Жуйкова Т. П.
Жураев Х. О.
Игнатова М. А.
Калдыбай К. К.
Кенесов А. А.
Коварда В. В.
Комогорцев М. Г.
Котляров А. В.
Кузьмина В. М.
Курпаяниди К. И.
Кучерявенко С. А.
Лескова Е. В.
Макеева И. А.
Матвиенко Е. В.
Матроскина Т. В.
Матусевич М. С.
Мусаева У. А.
Насимов М. О.
Паридинова Б. Ж.
Прончев Г. Б.
Семахин А. М.
Сенцов А. Э.
Сенюшкин Н. С.
Титова Е. И.
Ткаченко И. Г.

Фозилов С. Ф.

Яхина А. С.

Ячинова С. Н.

Международный редакционный совет:

Айрян З. Г. (Армения)
Арошидзе П. Л. (Грузия)
Атаев З. В. (Россия)
Ахмеденов К. М. (Казахстан)
Бидова Б. Б. (Россия)
Борисов В. В. (Украина)
Велковска Г. Ц. (Болгария)
Гайич Т. (Сербия)
Данатаров А. (Туркменистан)
Данилов А. М. (Россия)
Демидов А. А. (Россия)
Досманбетова З. Р. (Казахстан)
Ешиев А. М. (Кыргызстан)
Жолдошев С. Т. (Кыргызстан)
Игисинов Н. С. (Казахстан)
Кадыров К. Б. (Узбекистан)
Кайгородов И. Б. (Бразилия)
Каленский А. В. (Россия)
Козырева О. А. (Россия)
Колпак Е. П. (Россия)
Курпаяниди К. И. (Узбекистан)
Куташов В. А. (Россия)
Лю Цзюань (Китай)
Малес Л. В. (Украина)
Нагервадзе М. А. (Грузия)
Прокопьев Н. Я. (Россия)
Прокофьева М. А. (Казахстан)
Рахматуллин Р. Ю. (Россия)
Ребезов М. Б. (Россия)
Сорока Ю. Г. (Украина)
Узаков Г. Н. (Узбекистан)
Хоналиев Н. Х. (Таджикистан)
Хоссейни А. (Иран)
Шарипов А. К. (Казахстан)

Руководитель редакционного отдела: Кайнова Г. А.

Ответственный редактор спецвыпуска: Шульга О. А.

Художник: Шишков Е. А.

Верстка: Голубцов М. В.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

почтовый: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231;

фактический: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297